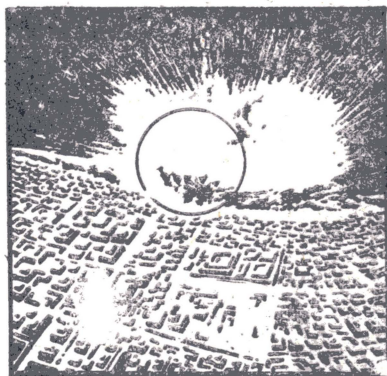

ВЫПУСК
18

Шиф

приключения фантастика

БИБЛИОТЕЧКА «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

КАК ПОТРОШИЛИ КАУФИНЬЯЛ

Дэшил ХЕММЕТТ

Художник С. ГРИГОРЬКИН

ОСТРОВ Кауфиньял представляет собой небольшую клинообразную полоску суши, расположенную неподалеку от материка, с которым его соединяет обыкновенный деревянный мост. Побережье острова сужается от обрывистых скалистых круч на западе до ровного, покрытого гладким щелбнем пляжа на востоке, где находится пристань с пришвартованными к ней многочисленными прогулочными судами.

Главная улица маленького городка, растянувшегося вдоль пляжа, ничем не отличается от сотен и сотен других захолустных улиц — своих собратьев на материке — те же банк, гостиница, кинотеатр и магазины, только немного более ухоженные. Дома здесь так похожи друг на друга, что можно подумать, их проектировал один и тот же архитектор. Зато прилавки магазинов заполнены товарами такого качества, что ими не стыдно было бы украсить витрины самых шикарных торговых центров Сан-Франциско.

Поперечные улицы, веером расходящиеся от пляжа между рядами аккуратных коттеджей, превращаются по мере их восхождения в горы в узкие петляющие дороги. Любая из этих дорог приведет к одному из роскошных домов — особняков фактических владельцев острова и заправил его жизненного устройства. Большинство обитателей этих дворцов — состоятельные пожилые джентльмены, которые, забравшись в молодости кто сколько мог на биржевых спекуляциях, теперь осели здесь, скупив весь остров вдоль и поперек, образовав своего рода колонию отставных шулеров, проводящих остаток своих дней в заботах о больной печени и в традиционных занятиях гольфом.

Вот, собственно и все, что можно сказать о Кауфиньяле. Было немногим за полночь. Я сидел в одной из комнат на втором этаже дома Хендриксона, самого большого особняка на острове, а вокруг меня громоздились кучи свадебных подарков, общая стоимость которых доходила до ста тысяч долларов.

Из всех дел, выпадающих на долю частного детектива, больше всего я ненавижу свадьбы. Обычно когда наклеивалась подобного рода работа, я старался улизнуть, и до сих пор мне это удавалось. Но везение не может длиться вечно, и потому я приехал на остров этим утром, а уже завтра к обеду должен был вернуться в Сан-Франциско — здесь всего два часа езды на автомобиле.

Свадьба была самой заурядной. Зато свет был представлен в лучшем виде. Среди гостей можно было увидеть и адмирала, и специально прибывшего из Англии графа, и бывшего президента какой-то южноамериканской страны, и датского барона, и посла одной из стран Центральной Европы, и многих других. Среди гостей была и стройная русская княгиня, явившаяся со свитой менее значительных титулоносцев, среди которых особенно выделялся полноватый, седовласый и чрезвычайно общительный генерал, который чуть не уморил меня бесконечными разговорами о падении цен на бирже.

Теоретически агент, нанимаемый для охраны свадебных подарков, не должен выделяться из толпы гостей. На деле же это просто неосуществимо. Для того, чтобы более или менее сносно выполнять свои обязанности, ему приходится постоянно держать хозяйское добро в поле зрения, а это значит, что только последний идиот не сможет догадаться, кто есть кто. Только один раз друзья жениха, распалившись от вина и желая показать свою мужскую доблесть, сделали неуклюжую попытку выкрасть часть подарков и запихнуть их в стоявший в соседней комнате роуль. Я уже давно ожидал чего-нибудь подобного и потому справился с ними без особого труда.

С наступлением темноты с моря подул порывистый холодный ветер, и над островом начали гнущаться дождевые облака. Молодожены уже давно умчались на восточном экспрессе в свадебное путешествие, и гости с материка, особенно те из них, кому предстояло добираться домой по воде, поспешили откланяться. Местные жители продолжали веселиться до тех пор, пока на землю не упали первые крупные капли дождя, грозившего настоящим ливнем. Тогда засобирались и они.

Особняк затих. Ушли музыканты, обессилевшие за день слуги разбрелись по своим спальням. Я нашел себе несколько сэндвичей, пару книг, кресло поудобнее и со всем комфортом, который только был возможен в моем положении,

устроился в углу комнаты, где под темным покрывалом были сложены подарки.

В дверном проеме ненадолго появилась голова Хендриксона, хозяйина дома, деда невесты.

— Надеюсь, вы удобно устроились? — учтиво осведомился он.

— Да, благодарю вас, — не менее учтиво ответил я. Пожелав мне доброй ночи, пожилой джентльмен удалился. Я же, погасив верхнее освещение и включив торшер, погрузился в чтение...

Когда внезапно погас торшер, я неторопливо затушил окурок о недоеденный сэндвич, отложил книгу в сторону и, взяв в одну руку пистолет, а в другую — фонарик, поднялся с кресла, напряженно вслушиваясь в тишину за дверью комнаты. Почему в моей комнате погас свет? Темнота царилла во всем доме, но это еще ничего не объясняло, так как в остальных помещениях свет уже давно был погашен прислугой.

Я не двигался с места. Мое дело — следить за сохранностью подарков. На них пока никто не покушался, а до остального мне не было никакого дела.

С моря мощно доходил гул крепчавшего шторма. Пол раскачивался у меня под ногами. Стекла в окнах дрожали под бешеным натиском ветра и дождя. Но весь этот шум вдруг на мгновение был перекрыт звуком взрыва. Судя по его силе, можно было догадаться, что взрыв произошел где-то на острове.

Вглядываясь в темноту за оконным стеклом, я пытался различить хоть какой-нибудь видимый признак, по которому можно было определить происхождение этого взрыва. Но мне удалось увидеть лишь кромешную тьму да несколько мерцающих сквозь пелену дождя огоньков на нижней части острова. Это несколько успокоило меня: возможно, причиной происшедшего был шторм, который вывел из строя электростанцию.

Я напряг зрение изо всех сил и, по привыкнов к темноте, уловил какое-то смутное движение у подножия холма; но слишком большое расстояние не позволяло различить детали. Решив, что эта загадка мне не по зубам, я отвернулся от окна. И в это мгновение раздался еще один взрыв, как мне показалось, гораздо ближе, или просто мощнее первого. За окном по-прежнему ничего не было видно, но я уже был уверен, что внизу что-то происходит.

Из коридора донеслись шаги босых ног. Чей-то встревоженный голос звал меня. Сунув пистолет в карман, я включил фонарик. В дверях показался Хендриксон. Он выглядел таким старым и изможденным, что его можно было принять за одетую в пижаму египетскую мумию.

— Кажется, это все-таки началось!

— Это не землетрясение, — успокоил я его, зная, что страх перед этим стихийным бедствием калифорнийцы всасывают с молоком матери. — Что-то другое. Сначала погас свет, а затем внизу было два взрыва. Пока больше ничего...

Я замолчал. В ночи за окном прозвучали один за другим три выстрела. Судя по всему, стреляли из крупнокалиберной винтовки. Затем откуда-то издалека донесся едва слышный сквозь грохот бури еще один — пистолетный.

— Что это? — удивленно спросил Хендриксон.

— Похоже на перестрелку.

Дом быстро наполнялся звуками множества шагов и гулом возбужденных голосов.

В комнате появился неузнаваемого вида дворецкий с зажженным канделябром в руке.

— Спасибо, Брофи, — сказал Хендриксон после того, как слуга установил свечи на столике рядом с моими сэндвичами. — Постарайтесь выяснить, что происходит на острове.

— Я уже пробовал, сэр. Телефон не работает, сэр. Может быть, послать Оливера в поселок?

— Не стоит. Вряд ли это что-нибудь серьезное. А вы как думаете? — обратился он ко мне.

Я машинально кивнул в знак согласия, потому что в тот момент меня гораздо больше интересовало, что происходит снаружи. Я приложил ухо к стеклу и уловил далекий женский крик, за которым последовала частая пальба из винтовок разных калибров. Перестрелка как будто становилась ближе — ее уже не могли заглушить даже раскаты грома,

ГРОМКАЯ и настойчивая трель дверного колокольчика прервала мои раздумья.

Хендриксон вопросительно посмотрел на меня. Я молча кивнул.

— Посмотрите, кто там, Брофи, — распорядился старик.

Челюрный дворецкий величаво прошествовал к дверям и через минуту еще более величаво вернулся. Остановившись на пороге комнаты, он возвестил:

— Княгиня Жуковская!

И тут же вошла она — та самая высокая русская, которую я видел на сегодняшнем торжестве. Ее темные глаза были широко раскрыты от возбуждения. Она заговорила без малейшего акцента, и голос ее был голосом школьницы, сбегавшей с уроков, чтобы посмотреть взрослый фильм.

— Ограбили банк! И убили этого... как по-вашему — начальника полиции!

— Что?! — вскричал старый Хендриксон, делая неуклюжую попытку отстраниться от княгини, с плаща которой как раз на его босые ноги стекала небольшая струйка воды.

— Ограблен банк? Шериф Виган убит?

— Именно! Не правда ли, ужасно? — произнесла она таким тоном, будто хотела сказать «прекрасно». — Нас разбудил первый взрыв. Генерал сразу же послал Игнатия узнать, что случилось. Игнатий успел добраться до банка в тот самый момент, когда он взлетал на воздух. Вы только послушайте!

Мы прислушались. За окном раздавалась пальба из всех видов оружия.

— Это было потрясающе! — продолжила девушка. — Генерал сразу же взял на себя командование и, вооружив всех мужчин в доме, повел их в бой. По-моему, при этом он чувствовал себя более счастливым, чем когда командовал дивизией в 1914 году.

— А где же, в таком случае, баронесса? — осведомился Хендриксон.

— Он велел ей оставаться дома. Со мной, конечно, но я сумела улизнуть. Стану я сидеть дома в такую ночь!

— Хм, — промычал Хендриксон, размышляя, очевидно, о чем-то своем. — Банк! Ограбили банк!

Он снова посмотрел на меня. Я молчал. Снаружи донесся звук очередного выстрела.

— Вы можете тут чем-нибудь помочь? — спросил старик.

— Могу попробовать, но как быть с этим? — и я кивнул на кучу подарков в углу комнаты.

— Ах, это! Меня сейчас куда больше занимает банк. И, кроме того, мы же будем все время здесь.

— Ну и отлично! — воскликнул я, поскольку уже давно жаждал удовлетворить свое любопытство. — Я немедленно отправляюсь туда. Вам лучше оставить в комнате дворецкого, е охрану входной двери поручить шоферу. Дайте им оружие, если оно вообще имеется в доме. Да, и раздобудьте для меня какой-нибудь плащ, пожалуйста.

Минутой позже, накинув на себя чей-то желтый плащ и разложив по карманам пистолет и фонарик, я уже спускался по лестнице. Хендриксон и княгиня следовали за мной. У самого выхода до меня вдруг дошло, что девушка спустилась вовсе не затем, чтобы просто проводить меня до дверей.

— Но, Соня! — запротестовал старик.

— Обещаю вам не делать глупостей, хотя мне этого и очень хочется, — заверила она его. — Я возвращаюсь домой к моей ненаглядной Ирине Андроновне.

— Вот и умница, — сказал ей вдогонку Хендриксон, когда мы выходили из дома под удары ветра и дождя.

Погода явно была неподходящей для разговоров. Мы молча проследовали между двумя рядами массивных чугунных оград. Неистовый ветер подгонял нас в спину. На одном из разветлений дороги я остановился и показал рукой на темный фасад видневшегося неподалеку здания.

— Кажется, вам сюда...

В ответ она лишь расхохоталась и, не дав мне договорить, схватила под руку и потащила вниз по дороге.

— Я сказала, что иду домой, только затем, чтобы успокоить Хендриксона. Думаете, мне не хочется посмотреть на то, что там творится?

— В такой ливень немудрено и простудиться! Вы же промокнете до нитки!

— Возвс нет. Я сделала специально для этого. — Она при-

подняла ногу, и я увидел резиновый сапог, надетый поверх шерстяного чулка.

— Мы оба не знаем, что нас ожидает впереди. Я нахожусь на работе, и может так случиться, что мне будет не до вас.

— Я в состоянии сама позаботиться о себе. — Она отогнула карман плаща, и я увидел рукоятку небольшого пистолета. — А вдруг я вам пригожусь? Я достаточно ловка и вынослива и к тому же неплохо обращаюсь с оружием.

Через некоторое время мимо нас с быстротой молнии пронесся человек, из-под наспех накинутого пальто которого выглядывал край ночной сорочки, что говорило о его принадлежности к местным жителям.

— Они ограбили банк и теперь принялись за Меткрафта! — успел на бегу прокричать он и скрылся в темноте.

— Меткрафт — это наш ювелир, — сообщила княгиня.

Склон, по которому мы спускались, начал терять крутизну. Внизу, у самого побережья, время от времени можно было различить вспышки револьверных выстрелов, похожие на оранжевые искорки в ночи.

Почти бегом преодолев последнюю сотню ярдов, мы вышли наконец на главную улицу. Но не успели мы сделать по ней и шага, как раздалась длинная пулеметная очередь.

Я толкнул свою спутницу в ближайшую дверную нишу и бросился вслед за ней.

Пули крошили стену над нашими головами со звуком, напоминающим удары градин по листьям деревьев. Это был тот самый звук, который наверху, в особняке Хендриксона, я принял за плотный винтовочный огонь.

Девушка, которую угораздило свалиться в самом углу ниши, тщетно пыталась встать, запутавшись в чем-то, напоминающем противотанковый еж и при ближайшем рассмотрении оказавшимся долговязым одноногим малым лет семнадцати и его костью. Я помог им обоим подняться на ноги.

— Это разносчик газет, — пояснила княгиня. — И он наверху сильно расчихался из-за вашей дурацкой выходки.

— Что у вас тут происходит? — спросил я разносчика.

— Все, что ни пожелаете! — произнес он таким тоном, будто в этом была его личная заслуга. — Бандиты собрались, должно быть, не менее сотни. Они распотрошили банк, а теперь потрошат старика Меткрафта. Они убили Тома Вигана. Они установили на машине пулемет и держат под обстрелом всю улицу. Слышите?

— Послушай, сынок, поторчи-ка здесь и понаблюдай за улицей, а если бандиты пойдут в этом направлении, сразу же дай мне знать. Сейчас мы перебежим на другую сторону улицы, — сказал я девушке. — Если вдруг с вами что-нибудь случится...

— Вы хотите возглавить защитников острова? — дербила она меня.

— Нет. Просто попытаюсь зайти к бандитам в тыл, а там видно будет.

Мы с княгиней одним стремительным броском переметнулись на противоположную сторону улицы. Осторожно продвигаясь в направлении моря, я пытался выработать план действий, который, помимо всего прочего, помог бы мне отделаться от нее. Долго ломать голову не пришлось — мои размышления были прерваны появлением человеческой фигуры огромных размеров, которая отделилась от темной стены и молча встала у нас на пути.

— Игнатий! — воскликнула княгиня.

— Генерал Плещев приказал меня доставлять княгиня Соня до дому.

— Разумеется, вы можете забрать ее, — сказал я, отодвигаясь в сторону.

Княгиня бросила на меня неодобрительный взгляд.

— Хорошо, Игнатий, — сказала она по-английски. — Я иду домой. — И, развернувшись на каблуках, послесила вверх по улице. Верзила окорно поплелся следом.

Оставшись наконец в одиночестве, я не стал попусту терять время и продолжал свой путь к пристани, пока не почувствовал, как мелкая галька, которой был покрыт пляж, зашуршала у меня под ногами. С главной улицы по-прежнему слышалась непрекращающаяся пулеметная очередь. Изредка в ответ ей раздавались беспорядочные выстрелы из винтовок и револьверов. Один за другим прозвучали три глухих взрыва — по-видимому, это были ручные гранаты.

РИСКУЯ привлечь к себе внимание, я в три прыжка одолел оставшееся до воды расстояние и замер, озираясь по сторонам. Насколько хватало глаз, не было видно ни одного темного пятна, которое могло бы быть пришвартованным катером или лодкой.

Я двинулся вдоль береговой линии, иногда выбираясь на гальку, иногда заходя по шиколотку в воду, до тех пор, пока не заметил впереди тихо покачивающуюся на волнах длинную черную тень. Это был катер — единственный на всем побережье. На палубе никого не было видно, но я не сомневался, что на катере кто-то есть: слишком ценен в этой ситуации он был.

Осторожно, стараясь быть незамеченным, я решил укрыться за тыльной стеной стоящей у самой воды пристройки, где хранился лодочный инвентарь, и был уже почти у цели, когда из-за угла появилась темная человеческая фигура и направилась в мою сторону. Не доходя футов двадцати до меня, неизвестный остановился. Я понял, что меня заметили, и поднял пистолет.

— А ну-ка, подойди поближе. Мне хочется на тебя взглянуть.

Немного поколебавшись, человек отделился от стены здания, вдоль которой шел, и вплотную приблизился ко мне. Не желая рисковать, я не стал включать фонарик, но и без того сразу же отметил, что где-то уже видел обладателя привлекающего, по-детски беззаботного лица, выступившего мне из темноты.

— О, рад вас видеть! — произнес человек сильно приглушенным, но тем не менее приятным баритоном. — Вы ведь были на сегодняшней вечеринке, не так ли?

— Так.

— Значит, вы знаете княгиню Жуковскую. Скажите, вы нигде больше сегодня не видели ее?

— Минут десять тому назад она в сопровождении Игнатия отправилась домой. — Я вспомнил, что видел этого молодого человека сегодня в свите княгини.

— Вот и отлично. — Он принялся вытирать рукавом испачканную чем-то щеку, а затем кивнул в направлении катера. — Это катер Хендриксона. Они взяли его, а у остальных перерезали канаты, и катера унесло в море.

— Думаете, они будут уходить по воде?

— У них нет другого пути. Может быть, нам стоит рискнуть?

Прижимаясь вплотную к стене, мы начали осторожно подкрадываться к катеру. Скоро мы уже могли разглядеть его. Судно имело около сорока пяти футов в длину. Корма его прочно стояла на берегу, а нос плавно покачивался на волнах. На корме виднелся странный, явно чужеродный выступ, назначение которого мне не удалось определить сразу. Время от времени можно было услышать, как чьи-то подбитые грубой кожей башмаки тяжело ступают по палубе. Немного погодя над кормой показалась голова, а затем и плечи человека, склонившегося над выступом, который привлек мое внимание.

Глаза у русского оказались острее моих:

— Он в маске, — услышал я его шепот. — Что-то вроде кулка на голове. Вы можете снять его прямо отсюда?

— Можно попробовать, но не могу поручиться за успех. Давайте лучше подберемся поближе, а там видно будет.

Однако первый же наш шаг из-за стены оказался последним. Человек в маске шевельнулся. Мой спутник рванулся вперед. И тут я понял, что за предмет выступает с кормы катера, — понял как раз вовремя, чтобы успеть подсесть русскому ногу и рухнуть рядом с ним на гальку.

Пулемет поливал очередями поверх наших голов.

— Пожалуй, не стоит нам бросаться грудью на эту штуковину, — сказал я. — Давайте-ка лучше сматываться отсюда, пока не поздно. — И подал пример, откатившись к стене пристройки.

Пулеметчик, ослепленный вспышками собственных выстрелов, продолжал наугад перемалывать пулями пляж. Расточительность бандитов озадачила меня, но я не стал делиться мыслями со своим спутником. За углом здания мы присели перевести дух.

— Вы спасли мне жизнь, — сказал русский лишенным всякого выражения голосом.

— Ага. Интересно, не тот ли это самый пулемет, из которого в меня уже сегодня стреляли на главной улице?

Ответ последовал незамедлительно — со стороны города донеслась очередь, которая на мгновение слилась в злобавшем унисоне с оглушительным треском машины, все еще обстреливающей пляж.

— Два пулемета! — воскликнул я. — Сколько же тогда у них людей?

— Не думаю, чтобы их было больше дюжины, — ответил русский. — Хотя в такой темноте нетрудно и ошибиться. Те, которых я видел, все до одного были в масках, как и этот а лодке. По всей видимости, они сначала разрушили электростанцию и линию связи, а затем взорвали мост. Мы пробовали атаковать их, когда они уже вплотную занялись банком, но силы оказались слишком неравны.

— А где сейчас могут быть жители острова?

— Разбежались кто куда. Большинство попрыгало по подвалам. Генерал пытается собрать тех, кто еще остался. Представляю, каково ему приходится!

Я задумался.

— Лучше всего будет, если вы останетесь здесь следить за катером, а я пойду взгляну, как развиваются события в городе. Если мне удастся собрать несколько надежных парней, я попытаюсь еще раз атаковать катер. Но, вообще-то, вам на это лучше не рассчитывать. Сидите здесь смиренно и не высовывайтесь. Если у меня что-нибудь получится, у вас очень скоро будет возможность пострелять в свое удовольствие.

— Отлично! — воскликнул он, выслушав мой план. — Местные жители, скорее всего, засели в церкви. Идите вверх до тех пор, пока не наткнетесь на чугунную ограду, затем поверните направо, и через минуту вы будете на месте.

Я поспешил в указанном направлении. Добравшись до главной улицы, я остановился. Обстановка была на редкость благоприятной. Единственный человек, которого я увидел, неподвижно лежал на газоне, уткнувшись лицом в мокрую траву. Он был мертв.

Укрывшись за углом здания, я огляделся по сторонам. Ветер стих. Дождь уже не вызывал в памяти картину всемирного потопла, но был еще достаточно силен. На главной улице Кауфиньяла не было ни души.

«Неужели бандиты успели отступить к катеру?» — подумал я. Мертвая тишина, царившая вокруг, была мне ответом.

Внезапно где-то наверху, там, куда вели отходившие от главной улицы дороги, прозвучала пулеметная очередь, сквозь которую изредка пробивались хлопки ответных выстрелов, а затем все эти звуки потонули в грохоте рушащихся гранат.

На первом же перекрестке я свернул с главной улицы и пошел вверх, на звук выстрелов. Навстречу мне бежала группа насмерть перепуганных островитян. Я остановил одного.

Дико взглянув на меня, он пробормотал:

— Они загнали наверх автомобиль и чуть не перестреляли всех нас.

Лицо его было мертвенно бледно, грудь тяжело вздымалась, как у загнанной лошади.

— Где генерал Плешев?

— Где-то там, наверху. Он пытается захватить машину. Сумасшедший! Это же явное самоубийство. Почему к нам никто не приходит на помощь?

Я выпустил его и бросился наперерез подбегавшей справа четверке вооруженных людей.

— Что происходит? — прокричал я.

— Бандиты начали чистить дома, — ответил один из них. В руках у него была винтовка.

— Кого-нибудь послали за помощью на материк?

— Это невозможно. Мост взорван!

— Неужели на всем острове не найдется человека, который бы умел плавать?

— Сколько угодно, только не в такой ветер. Кэтлоп было попробовал, да куда там! Его счастье, что он отделался только парой сломанных ребер.

— Но ветра уже почти нет.

— Ладно, — сказал мой собеседник, передавая винтовку одному из своих товарищей. — Я, пожалуй, рискну.

— Вот и прекрасно. Как доберетесь, поднимайте всех на ноги. И сразу же дайте знать полиции в Сан-Франциско. Не забудьте сказать, что у бандитов два пулемета и что они захватили катер Хендриксона.

Доброволец исчез в ночи.

— Катер!! — в один голос вскричали оставшиеся.

— Да, с пулеметом на борту. Послушайте, если мы хотим что-нибудь сделать, давайте не будем терять времени на разговоры. Попробуйте собрать всех, кто умеет стрелять, и полезайте на крыши. Как только они со своей машиной появятся здесь, атакуйте, пока не кончатся патроны. Но доставляйтесь при этом не подставляя себя под пули.

ЗАКОНЧИВ на этом импровизированный инструктаж, я снова поспешил вверх по склону. Теперь пулемет работал короткими очередями — то ли потому, что тот, кто за ним сидел, вел прицельный огонь, то ли просто стрелять было не в кого. Во всяком случае, я не слышал ответных выстрелов.

Я сделал еще несколько шагов по дороге, и тут впереди раздался звук работающего автомобильного мотора. Он быстро приближался.

Я бросился плашмя в придорожную траву и стал ждать. В моем пистолете было шесть патронов, и я выпустил их все до одного, как только в прорези прицела появились колеса автомобиля.

Машина резко вильнула в сторону, и через секунду до меня донесся тяжелый удар, сопровождаемый скрежетом металла и звоном бьющегося стекла.

Я вскочил на ноги и помчался к месту крушения.

Из груды обломков выскочил человек и быстро побегал в сторону ближайших домов. Я погнался за бандитом, моля бога, чтобы его спутники, если он не один, были надежно погребены под грудой дымящихся обломков.

Нас с беглецом разделяло около пятнадцати футов, когда он перепрыгнул через вставшую у него на пути ограду. Вслед за ним перемахнул ее и я.

Перед нами выросла стена массивного здания. Беглец юркнул за угол, и в этот момент слева из кустов раздался выстрел.

— Бог ты мой! — прозвучал в темноте огорченный голос генерала Плещева. — Неужто я промахнулся? Какая дрянь эти пистолеты!

— Обходите с другой стороны! — прокричал я ему, бросаясь вслед за бандитом.

Впереди меня слышался топот бегущего человека, но самого его не было видно. Из-за противоположного угла дома появился генерал.

— Ну что, поймали?

— Нет, — ответил я.

— Куда же он мог подеваться?

Вглядевшись в том направлении, куда скрылся беглец, я заметил в темноте белый треугольник, который не мог быть ни чем иным, как частью мужской сорочки.

— Стойте здесь и продолжайте говорить, — прошептал я на ухо генералу, а сам опустился на четвереньки и начал осторожно подбираться к стоявшему за кустами.

Сзади раздался голос генерала:

— Должно быть, он ушел через сад. — Он обращался ко мне так убедительно, будто я и в самом деле стоял рядом. — Если бы он побегал в мою сторону, я бы ни за что его не упустил. Уйти вверх по насыпи он тоже не мог, потому что при этом поднялся бы такой шум, что его нельзя было бы не услышать...

Он продолжал говорить, а я крался вдоль кромки живой изгороди к тому месту, где прятался тип в белой сорочке.

Вскоре я увидел его. Он стоял, вытягивая шею из-за ближайшего куста и смотрел на генерала. Когда он наконец заметил меня, я был уже достаточно близко. Но прыжка у меня не вышло. Вместо этого, поскользнувшись на мокром от дождя булыжнике, я мешком свалился к его ногам. При этом я подвернул лодыжку и избежал пули в голову, ибо в момент моего геройского броска неизвестный поднял револьвер и выстрелил. Все же я уронил его на землю, и, ударив его здоровой ногой и перекатившись по гравию, схватил за руку, в которой он сжимал оружие. Борьба была недолгой, потому что в следующее мгновение подоспевший на помощь генерал приставил ствол пистолета к его виску.

— Вот тебе и раз! — удивился я. — Привет, Флиппо!

— Привет, — ответил мой пленник тоном, в котором не было заметно особой радости.

Это был мой старый знакомый — приземистый итальянец лет двадцати четырех по имени Флиппо, которого четы-

ре года тому назад я сдал сан-квентинским властям за участие в одном грязном деле. Недавно он был освобожден под честное слово.

— Я не уверен, что эти твои фокусы придутся по вкусу тюремному начальству в Сан-Квентине, — сказал я.

— Я тут ни при чем! Я не сделал ничего плохого! Вы меня сцапали по ошибке. Я приехал навестить старых друзей, а тут началось эта заваруха. Ну, я и решил отсидеться в кустах, чтобы не ввязываться. Вы же знаете, что я на свободе условно, и меня могут засадить обратно в кутузку за всякую ерунду. И, как назло, вы напорились на меня! Поди, считаете, что я замешан в этом деле.

— Ты на редкость догадлив, — похвалил я его, а затем обратился к генералу: — Надо бы на время посадить его под замок. У вас есть на примете надежное место?

— Думаю, мой чулан будет для него в самый раз. Там нет окон, зато есть очень крепкая дверь.

Генерал схватил нашего пленника за шиворот и потащил по садовой дорожке. Я заковылял следом. Идти, к счастью, оказалось недалеко — особняк, у стен которого мы поймали Флиппо, был резиденцией русской колонии. По дороге я успел перезарядить свой пистолет и обследовать револьвер итальянца — все патроны, за исключением того, который едва не угробил меня, были на месте.

Генерал постучал в дверь и прокричал что-то на своем родном языке. Дверь тут же отворилась, и перед нами предстал человек с длинными висячими усами. В глубине холла стояли княгиня и пожилая рослая женщина, очевидно, баронесса Арина Андроновна.

— О, да вы, кажется, ранены! — воскликнула княгиня, обратив внимание на мою неуклюжую поступь.

— Ничего серьезного. Обыкновенный вывих лодыжки. У вас есть гипс?

— Найдется, — ответила она и скрылась во внутренних покоях. Через минуту она вернулась с бинтами, гипсовым порошком и тазом с горячей водой.

— Присядьте, пожалуйста, — обратилась она ко мне.

В ответ я отрицательно покачал головой и сам принялся перебинтовывать ногу. Я обмотал ее как можно крепче и попытался всунуть в ботинок, что оказалось не так-то просто сделать из-за начавшегося отека и гипсовой повязки. После нескольких неудачных попыток, каждая из которых сопровождалась мучительной болью, мне все же удалось справиться с этим, и я почувствовал, что могу гораздо увереннее стоять на ногах.

Когда я уже застегивал плащ, чтобы снова отправиться наружу, со стороны парадного входа донесся настойчивый стук в дверь. Последовал короткий обмен фразами на русском языке, и в холле появился тот парень, которого я оставил на берегу наблюдать за катером.

— Боже мой, Александр! — увидев кровь на его шее, воскликнула пожилая баронесса и без чувств упала на руки генералу.

Вшедший не обратил на нее никакого внимания, словно он давно привык к тому, что при его появлении пожилые женщины валяются в обморок.

— Они ушли на катера, — сообщил он, обращаясь ко мне.

— Сколько их было?

— Около десяти. Может быть, дюжина, но не больше.

— Вы не пытались остановить их с теми людьми, что я послал к вам на помощь?

Он пожал плечами.

— Даже если бы они и пришли, то что бы мы смогли сделать? Только сумасшедшие вроде нас с вами могут бросаться на пулеметы.

— Ну вот, все и кончилось, — сказала княгиня. — Пойду взгляну, что там делается внизу.

Эта мысль пришлась по вкусу всем, и минутой позже большая толпа обитателей русского особняка, включая и прислугу, спускалась вниз по склону. Начинало светать. Вокруг нас под моросящим дождем снова шли люди с усталыми, но возбужденными лицами.

На полпути к главной улице меня остановила пожилая женщина, в которой я узнал одну из служанок Хендриксона, и принялась что-то сбивчиво лепетать.

— Подарки украли... Брофи убит... Оливер... — вот и все, что я сумел разобрать, но и этого было более чем достаточно.

Я НЕМЕДЛЕННО последовал за ней. Она бежала так быстро, что я проклял все на свете, пытаюсь со своей больной ногой поспеть за ней. Через несколько мучительных минут мы дошли до особняка Хендриксона, где меня встретил сам хозяин в окружении слуг.

— Оливер и Брофи убиты, — без предисловий сообщил старик.

— Как это случилось?

— Не знаю. Мы были в другом крыле здания и смотрели в окно, пытаюсь разглядеть, что происходит снаружи. Оливер остался внизу, у парадного входа, Брофи — в комнате с подарками. Вдруг мы услышали выстрел, и вслед за ним в комнату, где мы собрались, ворвался человек в маске. Угрожая пистолетом, он приказал нам не двигаться с места. Через некоторое время он вышел, заперев дверь на ключ. Когда нам удалось взломать ее, мы бросились вниз и сразу же наткнулись на Оливера. Затем мы нашли Брофи. Оба были мертвы.

— Мне нужно взглянуть на них.

Шофер лежал у входной двери с перерезанным горлом. Его винтовка валялась рядом. Я поднял сружие — оно было заряжено. Выстрелить из него он так и не успел.

В комнате наверху, уткнувшись лицом в ковер, лежал дворецкий Брофи. Перевернув тело на спину, я обнаружил входное пулевое отверстие в левой части груди. Большая часть свадебных подарков была разбросана по всей комнате, те же из них, что представляли особую ценность, исчезли.

— Как выглядел тот человек, что запер вас?

— Трудно сказать. В комнате не было света, и все, что мы могли видеть, — это темный силуэт. Но могу поручиться, что бандит был в длинном черном плаще, и лицо его скрывала маска.

— На нем была шляпа?

— Нет. Только маска.

...Главная улица Кауфиньяла была заполнена людьми. Прибывшие недавно взвод морской пехоты с острова Мэйр и подразделение речной полиции с материка стояли в бездействии, ожидая приказа. Возбужденные полуодетые обыватели, разбившись на небольшие группы, крича и перебывая друг друга, обсуждали ночные события.

Я наткнулся на своего старого знакомого — сержанта Роше из береговой полиции.

— О, привет! Только что прибыл или был здесь с самого начала? — спросил он.

— Был с самого начала.

— Раскопал что-нибудь?

— Все!

— Странно было бы услышать другой ответ из уст частного детектива, — засмеялся Роше и последовал за мной в сторону от толпы.

— Вы видели пустые лодки по дороге сюда? — спросил я.

— Огромное количество. За ночь их разбросало по всему заливу.

— Где сейчас ваш катер?

— Отправился в море на поиски бандитов. Я с двумя надежными парнями решил на всякий случай остаться здесь.

— Ты правильно сделал, приятель! Взгляни-ка налево, только осторожно. Видишь того высокого седого бодряка с бакенбардами? Вон там, у аптеки?

Там, у аптеки, стоял генерал Плещев в окружении своих домочадцев — старухи-баронессы, которая, по-видимому, вполне оправилась от своего недавнего обморока, и уже знакомого мне молодого человека. Позади них возвышалась громадная фигура Игнатия. Рядом стояли еще трое слуг — всех их я видел этой ночью в доме княгини. Они негромко переговаривались, наблюдая за тем, как какой-то лышущий здоровьем обыватель толковывал лейтенанту — командиру пехотинцев, — что автомобиль, с которого велся пулеметный огонь, бандиты украли как раз у него.

— Ну, вижу твоего бодряка, и что же? — спросил Роше.

— А то, что он и есть тот, кого ты ищешь, — ответил я. — И остальные рядом с ним — тоже. Есть еще один человек, но о нем я позабочусь сам. Дай знать лейтенанту. Этим парней нужно брать осторожно — они способны на все! Вот только с мозгами у них слабовато. Они вообразили, что им удалось обвести вокруг пальца всех на этом острове.

Княгини не было среди зевак. Я предполагал, что во вчерашней игре она была второй фигурой по значению после генерала. Поэтому нужно было заставить ее врасплох, пока она сидела дома и ни о чем не догадывалась.

Я шел с большим трудом. Меня бросало в жар, крупные капли пота стекали по лицу.

И тут я услышал сзади юношеский голос:

— Эй, мистер! В этом направлении никто не проходил.

Обернувшись, я увидел того мальчишку-разносчика, которого ночью оставил в дверной нише наблюдать за бандитами. Я до того обрадовался этой встрече, что чуть было не расцеловал его.

— Подойди-ка сюда, сынок, — обратился я к нему. — Ты отлично справился с заданием. А сейчас, если исполнишь то, о чем я попрошу, то будешь совсем молодцом. Следуй за мной!

Мы подошли к крыльцу небольшого желтого дома, входная дверь которого была распахнута настежь. Это говорило о том, что все его обитатели поспешили навстречу полиции, и внутри не было ни души. Оставив пареньку у крыльца, я прошел в холл, где прямо у дверей стояло легкое плетеное кресло. Ни секунды не колеблясь, я грубо попрап закон о неприкосновенности частной собственности — схватил кресло под мышку и вынес его на улицу.

— Садись, сынок, — предложил я мальчишке.

Он сел и удивленно посмотрел на меня. Взявшись рукой за костыль, я легонько выдернул его из-под плеча калеки.

— Вот тебе пять долларов за прокат. Если я его потеряю, то клянусь честью, ты получишь взамен точно такой же, только из чистого золота.

Пристроив костыль под плечом, я начал карабкаться вверх. Все же это было гораздо лучше, чем прыгать на одной ноге.

До крыльца особняка княгини оставалось несколько шагов, как вдруг дверь распахнулась, и на пороге появилась сама хозяйка.

— Вы! — в явном замешательстве воскликнула она, но тут же, взяв себя в руки, продолжила совсем другим тоном: — Что с вами? Вам стало хуже?

Она сбежала вниз по ступенькам и помогла мне взобраться на крыльцо. Я обратил внимание на то, что какой-то увесистый предмет оттягивает карман ее жакета. За исключением этой детали в ее облике и поведении не было ничего необычного — она была, как всегда, спокойна и уверена в себе. Это еще более укрепило меня в мысли о том, что она и не подозревает, чем может обернуться для нее мой визит.

Пока я размышлял обо всем этом, мы уже были в холле. Княгиня усадила меня в мягкое кожаное кресло и произнесла все тем же участливым тоном:

— Вы, наверное, изрядно проголодались после всех этих ночных хлопот. Подождите минуту — я поищу чего-нибудь съестного.

— Не стоит. Присядьте. — Я кивнул на кресло напротив. — Мне нужно сказать вам пару слов.

Она села, непринужденно откинувшись на спинку кресла. Ни тревоги, ни волнения, ни даже вполне естественного в данной ситуации любопытства. Она явно переигрывала.

— Где вы спрятали награбленное? — спросил я.

— Как вы смеете так говорить со мной?! Вы, кажется, забываетесь, что я — княгиня Жуковская!

— Мне все равно, будь вы королева или последняя нищенка из трущоб. В любом случае, вы прежде всего вор и убийца.

ЕЕ молодое гибкое тело напряглось, глаза сверкнули недобрым огнем, а правая рука опустилась в карман... Но уже спустя секунду — не успев я и глазом моргнуть! — вместо атакующего хищника передо мной снова сидела княгиня — величественная и недоступная. В тот момент я понял, что во всех старых сказках про оборотней есть изрядная доля правды. Закинув ногу на ногу и положив руку, которая еще минуту тому назад сжимала оружие, на подлокотник кресла, она с любопытством взглянула мне в глаза и сказала:

— Интересно, каким же образом вы пришли к такому заключению? Мне будет забавно услышать это.

— Не вижу в этом ничего забавного. Вы проиграли игру, которую затеяли, и изображать из себя невинность больше не имеет смысла. Одно только перечисление всех ваших про-

махов займет добрых два часа, но я все же укажу на самые крупные из них. Надеюсь это быстро вас образумит.

— Буду вам очень признательна, — улыбнулась она.

Прислонив костыль к спинке кресла, чтобы освободить обе руки, я принялся загибать пальцы.

— Первое. Человек, который подготовил эту операцию, должен был отлично знать остров. Знать не просто карту острова, а каждый его камешек, каждую травинку. Оспаривать это утверждение было бы смешно. Второе. Машину, на которой был установлен пулемет, и катер, предназначенный для отступления, угнали у местных жителей. Если бы бандиты пришли с материка, они просто не смогли бы обойтись без своего транспорта — не тащить же такую кучу оружия на руках! Третье. Во всем происшедшем не было и намека на работу профессионального налетчика. Это была чисто военная операция, от начала до конца. Самый нерасторопный взломщик не стал бы брать с собой взрывчатку — у него для этого имеются отмычки. Четвертое. Никакие налетчики, даже самые сумасшедшие, не стали бы взрывать мост. Они могли заблокировать подходы к нему с помощью того же пулемета, но взрывать самое быстрое и надежное средство к отступлению — никогда! Пятое. Профессионалы, знающие цену времени, не стали бы затягивать дело на всю ночь. Более того, они бы постарались обделать его как можно тише. Вчерашней же ночью шума было достаточно, чтобы пробудить всю Калифорнию от Сакраменто до Лос-Анджелеса.

Пальцев на правой руке не хватило, и я принялся за левую.

— Шестое, — я загнул палец. — На берегу я наткнулся на одного из ваших людей. Он мог идти только с катера, иначе я заметил бы его издали. Он предложил мне атаковать катер, но едва мы попытались сделать это, как нас обстреляли из пулемета. Только полный кретин мог не заметить, что пулеметчик просто валял дурака. Если бы он захотел, то уже через секунду от нас ничего не осталось бы. Он же целых пять минут палил по звездам над нашими головами. Седьмое. Этот ваш парень, насколько мне известно, оказался единственным, кто может подтвердить, что бандиты отплыли в море. Восьмое. Все ваши люди, которых мне довелось повстречать этой ночью, были на редкость обходительны со мной. А генерал даже битый час занимал меня историями о своих биржевых спекуляциях, когда мы с ним впервые встретились на вечеринке. Такое поведение является отличительной особенностью всех новиков-любителей, которые стараются задобрить детектива. Девятое. После того, как я вывел из строя автомобиль, водитель бросился бежать в сторону вашего дома. Тот итальяшка, которого мы изловили в кустах, просто случайно оказался на моем пути. Куда же тогда подевался беглец? Он не мог проскочить мимо меня, не мог он пробежать и мимо генерала. Скорее всего, именно генерал впустил его в двери дома, в котором мы сейчас находимся. Десятое. Когда вы ночью пришли в особняк Хендрикса, у вас была одна-единственная цель — увести меня оттуда. Одиннадцатое. Слуг Хендрикса мог убить только человек, которого они знали и от которого не ожидали ничего подобного. Я уверен, что пока вы заговаривали зубы Оливеру, один из ваших сообщников сзади перерезал ему горло. Затем вы поднялись наверх и, скорее всего, собственноручно застрелили ничего не подозревающего Брофи. Двенадцатое... Впрочем, с вас довольно и этого. У меня уже пересохло в горле.

Когда я замолчал, она достала сигарету и, прикурив от протянутой мною спички, сделала несколько глубоких затяжек. Ее голос, донесшийся до меня сквозь облако дыма, был уже не так спокоен, как прежде:

— Что ж, этому можно было бы поверить, но... Но как быть с тем, что во время налета каждый из нас был на глазах у доброй половины жителей острова? Не могли же мы грабить и убивать, одновременно сражаясь с бандитами!

— Еще как могли! Даже ребенок справился бы с такой задачей, будь у него два пулемета, куча гранат и ваше доскональное знание местности. Плюс крошечная тьма и сильная буря. Плюс паника среди населения. Вас было девять человек, не считая двух женщин. Вы могли разбиться на две группы и, сменяя друг друга, появляться по обе стороны баррикад. Вы могли сначала уложить человека, а через некоторое время смешаться с толпой оплакивающих его

родственников и вместе с ними посылать проклятия убийцам. Но вы и тут переиграли. Вы были слишком навязчивы! Куда бы я ни шел этой ночью, всюду я наткнулся на ваших людей. Один генерал чего стоил! Убеленный сединами герой, ведущий в бой местное ополчение против захватчиков! Ей-богу, им повезло, что с таким командующим кто-то ухитрился остаться в живых.

Докурия сигарету, она бросила окурочку на ковер и затушила ее ногой. Затем тяжело вздохнула и, сложив руки на коленях, спросила:

— Ну, и что дальше?

— Дальше я хочу знать, где вы спрятали награбленное.

— В тайнике под гаражом. Мы вырыли его несколько месяцев тому назад.

В тот момент я не был склонен верить ни единому ее слову, но, как впоследствии выяснилось, она говорила чистую правду.

Б

ОЛЬШЕ мне здесь делать было нечего. Я начал возиться с костылем, пытаюсь с его помощью выбраться из кресла, как вдруг она подняла руку и произнесла доверительным тоном:

— Подождите минуту. Мне нужно вам сказать кое-что.

Я наклонился к ней и протянул руку ладонью вверх.

— Пистолет.

Она кивнула. Я осторожно вынул из кармана маленький браунинг и снова рухнул в кресло.

— Вы сказали, что вам все равно, кто я, — начала она, — и, наверное, так оно и должно быть. Но все же я хочу, чтобы вы знали... После русской катастрофы многие из тех, кто когда-то имел в своем распоряжении целый мир, потеряли его. Не думайте, что я собираюсь пересказывать здесь старую историю, которая уже давно набилась всем оскомину. Я просто хочу напомнить, что, как бы ни банальна она была для вас, она остается страшной реальностью для людей, которые были ее участниками. Мы бежали из России, прихватив с собой все, что смогли, и, слава богу, на первое время этого оказалось достаточно для того, чтобы жить с минимальным комфортом. В Лондоне мы открыли русский ресторан, но в один прекрасный день выяснилось, что в городе и без того слишком много русских ресторанов, и наше дело вместо ожидаемых доходов стало приносить одни убытки. Мы пробовали давать уроки музыки, языка, одним словом, мы брались за любые заработки, но всякий раз выходило так, что нас кто-нибудь опережал. Что нам оставалось делать?.. Но я обещала не утруждать вас долгим рассказом. Хорошо, перехожу к главному. Наш капитал таял с каждым днем, и недалеко уже был тот момент, когда в воскресных газетах можно было бы найти сообщение о том, что разорившаяся русская княгиня поступила гувернанткой в дом каких-нибудь нуворишей — обычная развязка в положении вроде нашего! В этом мире нам больше не было места. Лишенные родины, семьи, привычных устоев, мы неизбежно поставили себя вне закона... Как только мы услышали о Кауфиньяле, мы решились. Для нашего плана подходило любое небольшое, но достаточно богатое поселение, по возможности, изолированное от окружающего мира. Этот остров был идеальным местом. Мы сняли этот дом и постарались зарекомендовать себя наилучшим образом, ведя тихую, размеренную жизнь и одновременно вынашивая свои планы. Все эти шесть месяцев мы потихоньку собирали оружие и в мельчайших деталях отработывали наши будущие действия. Нам казалось, что мы предусмотрели любую случайность, но разве можно было предвидеть то, что именно в эту ночь на острове появится такой гений сыска, как вы! Видимо, это было очередное проявление рока, которому с некоторых пор суждено преследовать нас всю оставшуюся жизнь.

— Только не надо называть меня гением, — возразил я. — Вы сами запороли все дело от начала и до конца. Вы, конечно, согласитесь со мной, что ваш генерал первый начал бы смеяться, если бы какой-нибудь смельчак, ничего не смыслящий в военном деле, взялся командовать армией. То же самое случилось и с вами. Не имея ни малейшего представления о том, как делаются дела подобного рода, вы взялись за работу, на которую не отважились бы и самый опытный гангстер. Возьмите хотя бы вашу попытку сделать из меня дурака. Вот уж явное дилетанство! Любой профес-

сионал постарался бы как можно меньше попадаться мне на глаза, а если бы это ему не удалось, то просто-напросто убил бы меня. Так что нет ничего удивительного в том, что ваше предприятие провалилось. Теперь уж я ничем не могу вам помочь.

— Почему?

— А чего ради?

— Никто, кроме вас, не знает нашей тайны, — произнесла она, наклонившись вперед и доверительно положив руку мне на колено. — Подумайте — ведь там, в тайнике под гаражом, лежит целое состояние! Вы можете взять столько, сколько захотите.

Я отрицательно покачал головой.

— Не будьте идиотом! — воскликнула она.

— Позвольте, я объясню вам все раз и навсегда, — сказал я. — Я не буду сейчас говорить о таких вещах, как совесть и уважение к закону и клиентам, так как эти понятия были и остаются спорными. Начну с того, что я детектив, и мне нравится моя работа. Я получаю не так уж много и легко мог бы найти место, где платят гораздо больше. Пусть даже сотню долларов в месяц. За год — тысячу двести. Итого, около тридцати тысяч долларов за годы, оставшиеся мне до пенсии. Согласитесь, сумма неплохая, но не это главное. Главное заключается в том, что я люблю свою работу. Она доставляет мне удовольствие — а обо всем остальном я и слышать не хочу. Никакими деньгами этого не заменишь. Вот уже восемнадцать лет, как я получаю удовольствие от того, что гоняюсь за преступниками и разгадываю шарады, которые они для меня сочиняют. Обычно дело кончается тем, что сочинитель оказывается за решеткой. Это — единственный вид спорта, который мне нравится, и я не могу себе представить ничего более захватывающего, чем еще двадцать с лишним лет такой игры. Нет, я не собираюсь выходить из нее!

Она медленно покачала головой и, не сводя с меня своих темных глаз, произнесла:

— Вы говорите только о деньгах. Я же предлагаю вам все, что ни пожелаете.

— Вы меня так и не поняли, — ответил я. — Вы полагаете, что если я — мужчина, а вы — женщина, то мы можем договориться. Вы ошибаетесь. Я — охотник, а вы — дичь, которую я преследую. Между нами просто невозможно то, на что вы намекаете. Вы можете представить себе союз сторожевого пса и пойманной им лисицы? — Я снова взялся за костыль и начал вставать. — Мы только напрасно теряем время. Вы, наверное, ожидаете появления ваших друзей, которые могли бы вас избавить от моего присутствия. Вынужден вас огорчить: все они только что арестованы по моему распоряжению.

— Руки вверх! — услышал я голос Флиппо, который появился с автоматом в руках в дверном проеме, соединяющем холл с внутренними комнатами.

Я поднял руки настолько высоко, насколько это можно было сделать, не выпуская при этом костыль из-под плеча. В глубине души я проклинал себя за то, что не принял элементарных мер предосторожности. Когда беседуешь с грабителем и убийцей, пусть даже в образе смазливой девчонки, всегда полезно держать в руках хотя бы пистолет.

Теперь я понял, зачем она вернулась домой. Она освободила итальянца и посоветовала ему поскорее смыгаться с острова — конечно, для того, чтобы его бегство увело нас на ложный след. Она дала ему оружие на тот случай, если оно ему понадобится для защиты от надоедливых полицейских ищек — естественно, в глубине души желая, чтобы он был убит в завязавшейся перестрелке.

ПОКА я предавался размышлениям, Флиппо зашел ко мне за спину и свободной рукой извлек из карманов плаща мой пистолет, затем револьвер, который я отобрал у него ночью, и наконец маленький браунинг княгини.

— Это пойдет за грабег, Флиппо! — сказал я ему. — А ты еще не отмотал свой последний срок. Подумай хорошенько! Если твое тюремное начальство узнает, что вчера ночью ты попался с оружием, а потом еще ограбил детектива, тебе не миновать солидной добавки к сроку. С другой стороны, я уверен, что ты не имеешь никакого отношения к этому делу — конечно, у тебя тут был свой маленький рэкет, но я не стану копаться в этом. Лучше все-

го будет, если ты сию же минуту уберешься отсюда, а я обещаю забыть, что вообще тебя здесь видел.

Лицо Флиппо приняло озадаченное выражение, свидетельствующее о натужной работе мысли. Он замер на месте, явно не зная, как поступить.

Княгиня шагнула к нему:

— Ты слышал, что я обещала этой ищейке? Так вот, убей его, и все это достанется тебе!

Лицо итальянца напряглось.

— Выбирай, Флиппо, — сказал я. — Я могу обещать тебе только то, что тебя не засадят обратно в Сан-Квентин. Княгиня же предлагает тебе кучу денег и заодно верный шанс быть повешенным.

Проклятая девчонка что-то быстро залепетала по-итальянски.

Флиппо явно уступал под ее мощным натиском. Будь он лет на десять постарше, он бы принял мое предложение и всю жизнь благодарил бы меня за это. Но он был молод и глуп, а княгиня чертовски умна и (только теперь я понял что!) ослепительно красива. Результат их переговоров было легко предугадать.

— Только не убивать, — сказал Флиппо по-английски, очевидно, специально для меня. — Запрет его в тот же чулан, в который он засадил меня.

Мне показалось, что Флиппо не испытывал особого предубеждения против убийства, а сказал это лишь для того, чтобы немножко успокоить меня, а заодно и себя самого. Но княгиню такой поворот дела явно не устраивал.

После еще одного бурного словоизлияния по-итальянски она одолела. Флиппо пожал плечами и начал поворачиваться в мою сторону...

Удар костылем пришелся прямо по его дурной, твердой лобной голове. Костыль переломился надвое, а Флиппо рухнул лицом на пол. Один шаг, падение, острая боль в ноге — и пистолет был в моих руках.

Княгиня бросилась прочь и находилась уже на полпути к двери, когда я окликнул ее:

— Остановитесь!

— Вот уже нет. Вы не сможете помешать мне выйти отсюда.

— Вы выйдете отсюда только вместе со мной и только после того, как я надену на вас наручники.

— Как будто я стану этого дожидаться!

Я неодобрительно покачал головой.

— Интересно, как вы думаете остановить меня?

— Я очень надеюсь, что мне не придется этого делать. Вы ведь достаточно разумны, чтобы стоять смиренно, когда вам это приказывает человек с оружием в руках.

Она рассмеялась.

— Вы сломали свой костыль. Но даже если бы он был цел, вы бы все равно не смогли меня догнать. Хотите сказать, что будете стрелять? В это я не верю. Вы, может быть, и выстрелили, если бы я первая открыла огонь и сделала что-нибудь в этом роде. Но я не собираюсь делать ничего такого, а просто уйду, и у вас нет повода применить оружие. Вам бы хотелось, да вы не выстрелите. Вот увидим!

Подмигнув, она снова повернулась к выходу.

— Лучше подумайте хорошенько, прежде чем сделать хотя бы шаг! — пригрозил я.

В ответ она только рассмеялась. А затем сделала шаг к дверям.

— Стой, идиотка! — зорал я.

Еще шаг, еще. Тихонько посмеиваясь, она продолжала двигаться к выходу из дома. Рукоятка моего пистолета стала мокрой от пота.

Когда ее правая нога опустилась на приступок двери, до меня донесся ее прощальный смех и издевательский возглас:

— Адью!

И тут я выстрелил.

Пуля попала ей в левую ногу. Она медленно опустилась на пол у самых дверей. Боли еще не было, и потому лицо ее не выражало ничего, кроме крайнего удивления.

Я впервые в жизни стрелял в женщину и, надо признаться, чувствовал себя довольно скверно.

— Вам следовало бы с самого начала представлять, с кем имеете дело, сударыня, — мой голос прозвучал настолько пронзительно и грубо, что я сам с трудом узнал его. — Ведь я же отобрал костыль у калеки!

ГНИЮЩИЙ ВОДОЁМ

ЗАЛОЖНИКИ

Кожевников И.В.
Ермаков И.С.

В первой части комикса "Гниющий водоем" - "Из плена" - рассказывалось о том, как три римских воина - Квинт, Марий и Рувин - спасаясь от варваров, оказались выброшенными из эпохи начала I в. н.э. на направленный временным потоком.

Они пытались разгадать природу этого потока, чтобы использовать его для исполнения своих самых заветных желаний.

Внезапно река сделала поворот, и путники невольно вздрогнули, объятые радужным сиянием.

Свет пронизывал нас сквозь, проникал в самое существо души человека.

С римлянами происходило что-то такое, чего они не могли понять...

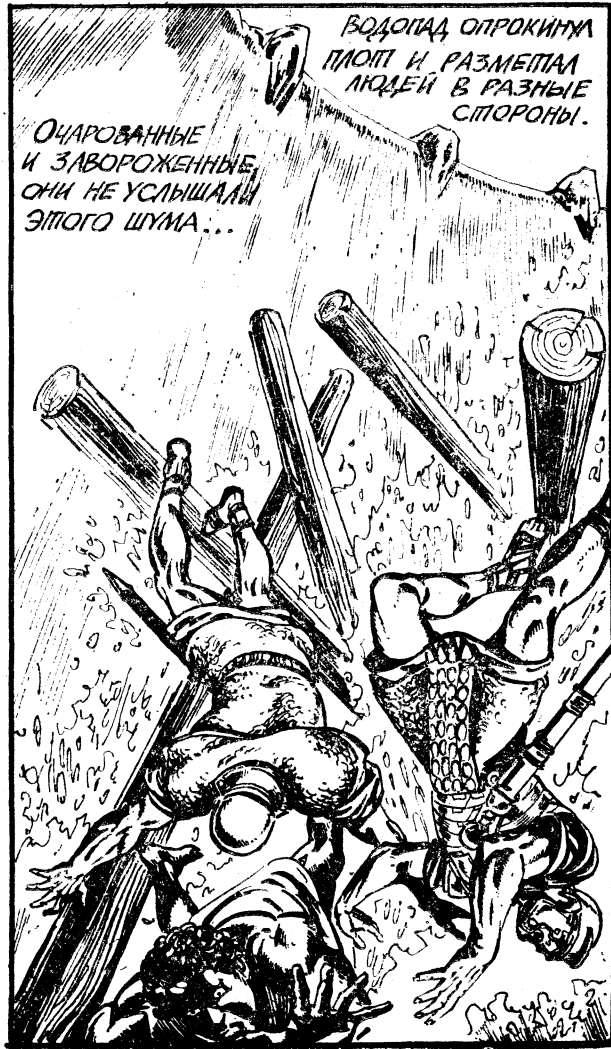
Их взгляд уходил дальше, проникая в просторы бескрайней истории человечества. Но только, захваченные удивленным, они потянулись туда, откуда исходило это сияние, свет разом погас.

Впереди шумно загрохотал водопад.

Водопад отрокинул плоть и разметал людей в разные стороны.

Очарованные и замороженные, они не слышали этого шума...

Волны выбросили Марию на пологий берег. Светила луна...

ШЕЛ 490 ГОД ОТ РОЖДЕНИЯ ХРИСТА.

ПО МЕРТВЫМ ПЛИТАМ ДОРОГ ВАРУ СОВСЕМ БЛАЗКО РАЗДАЛСЯ КЕНСКИЙ ПОЛОП.

И ВТОРОГО ВАРВАРА НАСТЫГЛА СМЕРТЬ.

МАРИИ ТВЕРДО ЗНАЛ: ЧЕЛОВЕК, КЕМ БЫ ОН НИ БЫЛ, В БЕДЕ, И НЕ ПОМОЖЬ ЕМУ ПОЗОР.

Исход схватки был сомнителен, и варвар повернул коня.

Спасенный был мальчиком лет четырнадцати. Он проникся симпатией к Марию и открылся ему.

Мари, я Ромул, сын полководца Ореста.

Когда я был совсем маленьким, мой отец сверт императора Юлия Непота и провозгласил меня императором. Я сам

знаю это только по рассказам. Фабий, мой воспитатель, рассказывал, что...

— по подстрекательству императора Византии Зенона и правителя Галлии Сигария был устроен заговор. Вождь наших наемников Одоакр убил моего отца, а меня сослал на юг Италии, в Кампанию. Я мог пригодиться ему для...

Слушай, Ромул, а может, все проще: ты украл у варваров сбрую, и они погнались за тобой.

Невежественный болван!

Если ты не веришь мне, я найду другого, который жепт мне! Ты недостойн этого!

Воина, помо-

Ну, ладно, ладно, продолжай.

Но потом для Одоакра я стал помехой. На виллу прибыли наемные убийцы. Но Фабий егас меня, дал коня и ночью вывел за ворота...

Знай, Ромул, сын Ореста! Я послан providением, чтобы помочь тебе сокрушить все козни врагов и восстановить Рим во всем его прежнем величии!

И почел Мари, что час его пришел.

Войска Мекдориока-союзника Зекондохозяйничали в Италики. Во время долгих блужданий по окрестностям Рима у Маркия возник план.

Вот уже неделю солнце ни на миг не сходило с горизонта. Италия затаила дыхание.

Путем осторожного выспрашивания им удалось узнать, что на Виа Фламинна есть катакомбы, где собираются уцелевшие язычники и поминывают о реставрации Рима.

Эй, кто идет?! Кто такие?!

Юпитер и Олимпийские боги, Юлиан и Алтарь Победы!

Квирицы, это древнее приветствие, ему больше ста лет...

Учителя и наставники! Эти два человека знают древнее приветствие приверженцев единственной веры.

Юпитер и Олимпийские боги, Юлиан и Алтарь Победы!

Доносчик!

Нет. Доносчик все бы сделал правильно, сказал бы верное приветствие.

Я - Деций Плат. Я знал Ореста и Фабию. Да-ка, лавень, мне этот свиток.

Я - Ромул, сын патриция Ореста! Император Рима. Вот письмо Фабины!

VIVA, ЦЕЗАРЬ!

ТВОИ ПОДДАННЫЕ ПРИВЕТСТВУЮТ
ТЕБЯ!

ОТРЯД В ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ
ВСАДНИКОВ ПРИБЛИЖАЛСЯ
К РИМУ. ВСЕ ОТРЯД МА-
РИИ. СОЛНЦЕ СТОЯЛО В ЗЕ-
НИЦЕ.

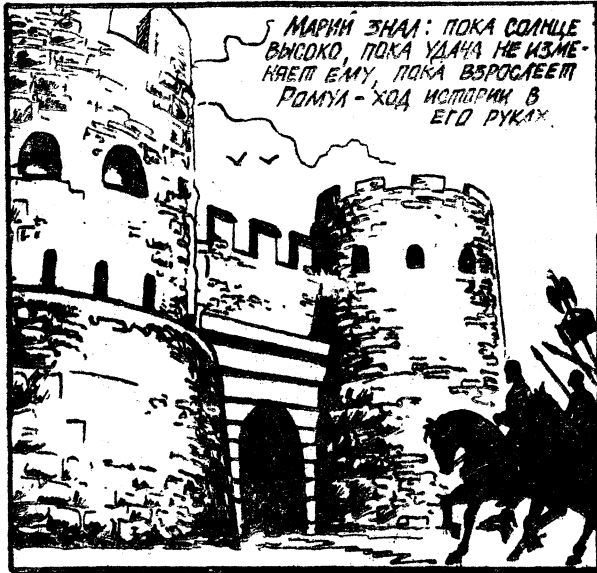
ПЕРВАЯ СТЫЧКА С ГЕРМА-
НЦАМИ УТВЕРДИЛА МАРИИ
В МЫСЛИ, ЧТО СПРАВИТСЯ
С НИМИ БУДЕТ НЕПРЯДУ.

РЯДОМ С МАРИЕМ
НА КОНЕ СКАКАЛ РО-
МУЛ. ОН ВЗРОСЛЕЛ
ЧАС ОТ ЧАСУ И УЖЕ
НЕ ХЖЕ БЫВАЮЩЕГО
ВОИНА РУБИЛСЯ
С ГЕРМАНЦАМИ.

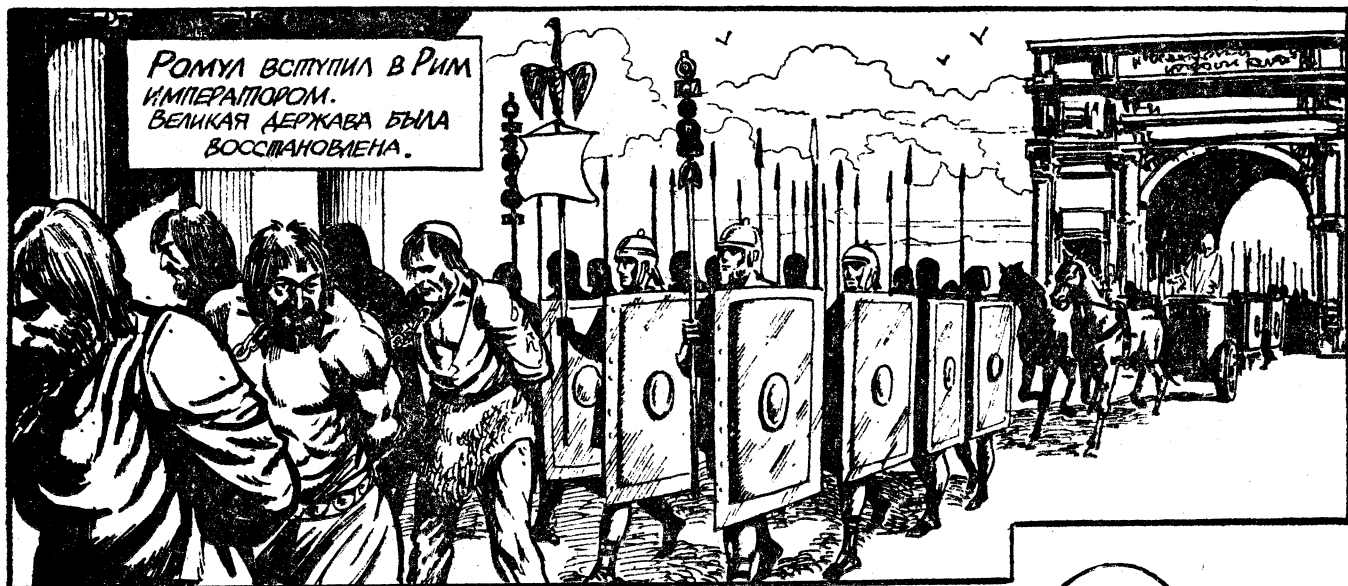
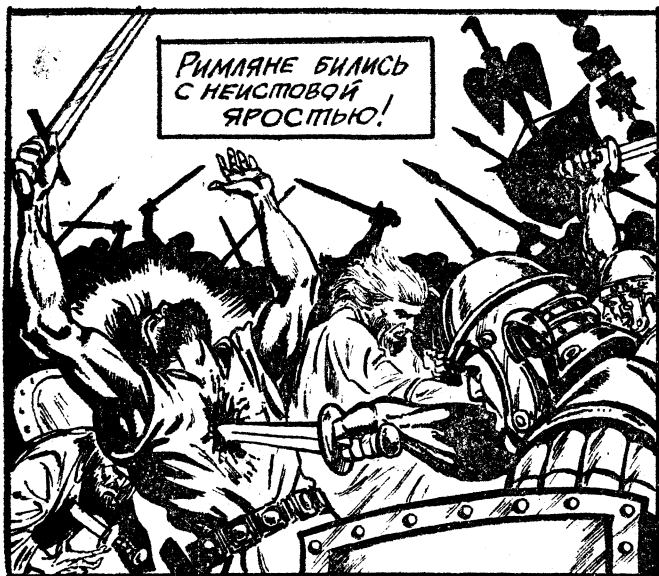

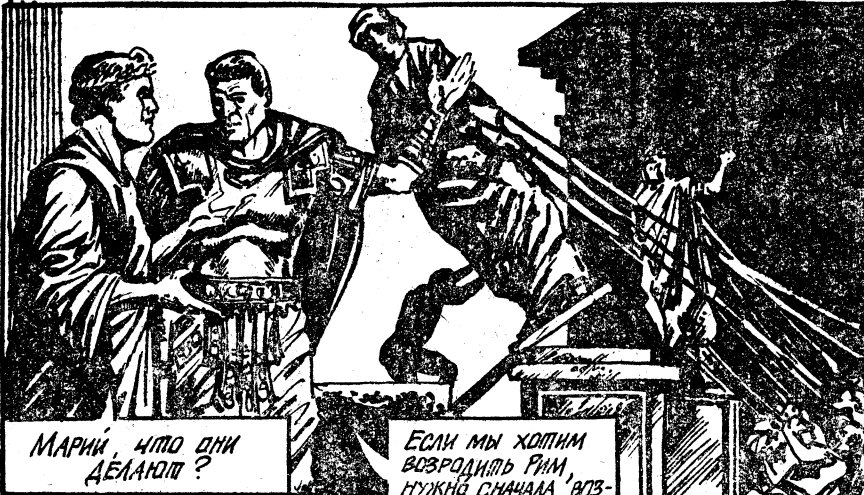
МАРИИ ЗНАЛ: ПОКА СОЛНЦЕ
ВЫСОКО, ПОКА УДАЧА НЕ ИЗМЕ-
НЯЕТ ЕМУ, ПОКА ВЗРОСЛЕЕТ
РОМУЛ - ХОД ИСТОРИИ В
ЕГО РУКАХ.

У ФАМИНИКЕВЫХ ВОРОТ
БЫЛ ВЫСТАВЛЕН
ГЕРМАНСКИЙ
ЗАСЛОН. ЗАЩИТЕЛЯ
ЖЕСТОКАЯ СЕЧА.

МАРИЙ, ЧТО ДНИ ДЕЛАЮТ?

ЕСЛИ МЫ ХОТИМ ВОЗРОДИТЬ РИМ, НУЖНО СНАЧАЛА ВОЗРОДИТЬ ЕГО ВЕРОВАНИЯ. РИМ БЫЛ КРЕПОК СВОЕЙ ДОБЛЕСТЬЮ И СВОИМИ БОГАМИ.

ПЕРВОЕ МЫ ВОЗРОДИЛИ, ДЕЛО ЗА ВТОРЫМ... БУДУЩЕЕ ГОВОРИТ МНЕ, ЧТО СЛАВА РИМА НЕ В МЕЧАХ И КАЗНЯХ, А В ТОЙ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

ИМПЕРАТОР! ХРИСТИАНСКИЕ ФАНАТИКИ НАПАЛИ НА НАШИХ ВОИНОВ И ОПКРИКУЮТ СТАТУИ!!!

- КОТОРАЯ СЛУЖИТ БОРЬБЕ ЛЮДЕЙ В ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ ГОСУДАРСТВА. ПОНЯВ ПРАКТИКУ РИМ СУМЕЕТ ИЗБЕЖАТЬ БАРВАРИЗМА...

СОЛНЦЕ ЗАКРЫЛОСЬ ТУЧЕЙ. МАРИЙ ВЗДРОГНУЛ. РОМУА ВАРУС СТАЛ МЕНЬШЕ РОСТОМ, ВЕНОК ИМПЕРАТОРА БЫЛ ВЕЛИК ЕМУ.

ВСЕХ ВОИНОВ НА ФОРУМ, ДЕЦИЙ!! ИЗРУБИТЬ ХРИСТИАН!!!

ЭТО БЫЛА СТРАШНАЯ РЕЗНЯ!

Воины, отпустите этого жалкого фанатика.

Исчадие ада! Слуга сатаны! Не нужна мне твоя пощада!

Гоните его в шею!

Смерть во славу Господа, как деды горели мной во времена Диоклетиана!

Вот- так-то! С нами Бог! Историю вспять не повернуть!!!

Взять его! В костер!

Но было уже поздно. Больше отскакало все плуки и плуки.

Именем императора Ромула! приказываю устроить оргию! вакханок! вина! долгой будущее!!!

Вступили клиппаны и фрейты. Оргия началась.

ВСЕ БУДЕТ В ПОРЯДКЕ, РОМУЛ!

Отряд Мария мужественно отражал натиск германцев. Но солнце уже зашло...

НЕОЖИДАННО ДВОРЕЦ И ФОРУМ ПРОЖАЛИ. В РАЗБИТИЕ ОКНА УДАРИЛ ВЕТЕР. НАСТУПИЛА БЕЗЛУЧНАЯ НОЧЬ.

МАРИЙ!
ОРЕСТ?!

ПЕРЕД МАРИЕМ БЫЛ НЕ ДЕЩИЙ, В МИГ, ПО ОПИСАНИЮ РОМУЛА, ОН УЗНАЛ...

ФАБИЙ?!

ДА, Я ФАБИЙ!
А ТЫ ОРЕСТ?

ЭТОТ МЕРТВЫЙ РЕБЕНОК - РОМУЛ!

ЭТО ВИМА В КАМПАНИИ. ПРИШЕЛ НАШ ПОСЛЕДНИЙ ЧАС.

В ЗАКРЫТУЮ ДВЕРЬ КОМИЛИСЬ ГЕРМАНЦЫ. ПРИЖАВШИСЬ ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ, СТОЯЛИ ОРЕСТ И ФАБИЙ.

ДВЕРЬ ОБРУШИЛАСЬ И ВАРВАРСКИЕ КОПЬЯ ПРОШЛИ ИХ НАСКВОЗЬ.

ЧАСТЬ III „КРУГ ЗАМКНУЛСЯ“

ВНЕЗАПНО ПЕЙЗАЖ ИЗМЕНИЛСЯ.
ВМЕСТО РИМА ВОЗНИК ДРУГОЙ ГОРОД.
ДВА БОМБАРДИРОВЩИКА
СОВЕРШИЛИ ВИРАЖ И СБРОСИЛИ
НА ЭТОТ ГОРОД БОМБЫ.

Пещера в окрестностях Рима.

Фабий, того не зная сам, пытался изменить течение времени. Он боролся с новым, наступающим миром - и проиграл. Вот так.

Неужели все так плохо, господин?

Нет, Рубий, еще должен быть выход. Ромул убит. Но остался Салгрий, бывший римский наместник Галлии. У него сейчас самая боеспособная армия в Европе - в этом океане -

-варварского хаоса. Если он двинет ее на Рим и воспламенит империю - не все еще потеряно. Надо идти к Салгрию!

Старая римская дорога постепенно превратилась в узенькую тропку. Это был странный лес...

Вскоре перед римлянами открылось большое поле. Ветер шелестел в пустой степи...

Труженики Магадана ознаменуют 20-ю годовщину Великой Октябрьской революции новыми трудовыми успехами.

Где-то я видел его...

Варит №3-за повозки показались палатки.

Ни с места! Ваши документы?!

Ага, беглые! А ну-ка, руки в верх и полезайте в кузов!

Выпрыгнувшие из машины солдаты набросились на римлян. Причем, у Квина отобрали нож.

Их отвезли в лагерь и поместили в деревянном бараке.

Квину не давала покоя мысль - среди лая собак, ругани надсмотрщиков и тяжелого пруда - где же все-таки он видел это лицо, сплалкапта.

В обед, на лесоповале Квин сев на пеню и подним от дождя ворот тлеопейки, полез в карман и обнаружил в руке монетку. Это был римский динарий.

Он не ошарсая: тот самый профиль, с усами, и подпись: «Нерон»!

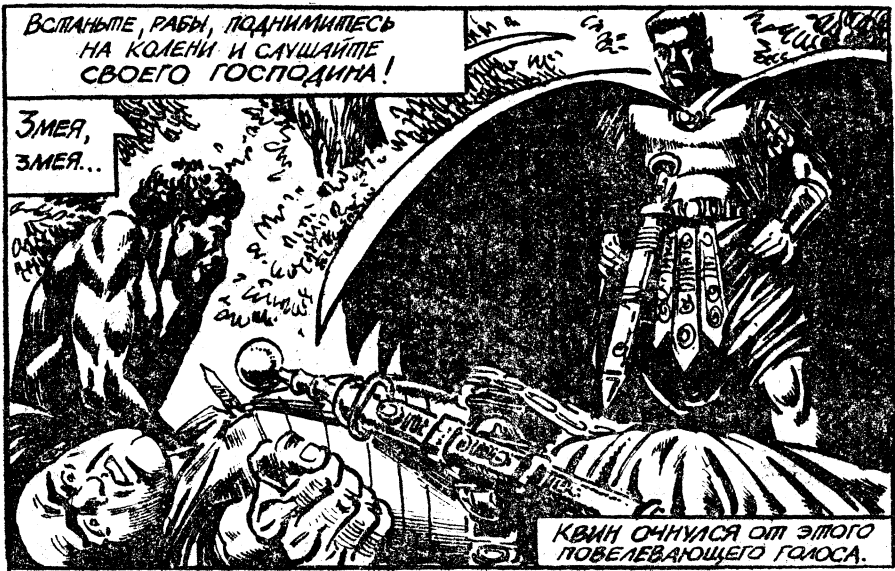
Когда они возвращались в лагерь, он показал монетку Рубию.

Узнаешь?

Нерон? Это же давний император Рима!

ВСТАНЫТЕ, РАБЫ, ПОДНИМИТЕСЬ
НА КОЛЕНИ И СЛУШАЙТЕ
СВОЕГО ГОСПОДИНА!

ЗМЕЯ,
ЗМЕЯ...

КВИН ОЧНУЛСЯ ОТ ЭТОГО
ПОВЕЛЕВАЮЩЕГО ГОЛОСА.

С ВАМИ ГОВОРИТ РИМСКИЙ
ПОВЕЛИТЕЛЬ СМАГРИЙ!
ПРАВИТЕЛЬ ГАЛЛИИ! МНЕ ВЕДОМЫ
ВАШИ МЫСЛИ, Я ЗНАЮ, КТО ВЫ
И ЗАЧЕМ ЗДЕСЬ ОКАЗАЛИСЬ!

ЧТО ТЫ ГОВОРИШЬ,
СМАГРИЙ?

РЕДЬ ВЫ ЖЕ ХОТЕЛИ ВОССТАНОВИТЬ РИМ?
ИЗБЕЖАТЬ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕГО
ВАРВАРСТВА?!
БЛИЖЕ ВАМ ШАНС - КОГУ В СЕРДЦЕ,
ДЕЖАЖИМ МЕЧ!

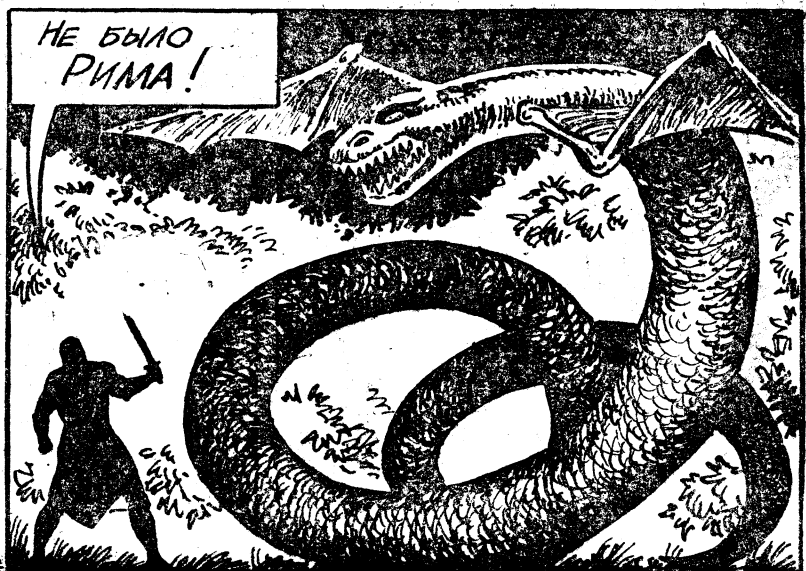

ЭТО ВСЕ БЫЛО! ФАШИСТЫ
И УБИВАЮЩИЕ ФАШИСТОВ
ВАРВАРЫ! БЫЛО!
АГДЕ ЖЕ
РИМ!?

ЛИЦО СМАГРИЯ
ИСКАЗИЛОСЬ, И ОН
ПРЕВРАТИЛСЯ
В ЗМЕЮ.

РИМ НЕ БЫЛО
НИКОГДА! БЫЛО
ОДНО ТЫСЯЧЕ-
ЛЕТНЕЕ
ВАРВАРСКОЕ!

НЕ БЫЛО
РИМА!

БОЙЦЫ НКВД РАССЛАБИЛИ ФАШИСТОВ-ВАРВАРОВ. ОБЕССИЛЕННЫЙ В СВАТКЕ СО ЗМЕЕЙ, КВИН БЫЛ ЗАХВАЧЕН В ПЛЕТ.

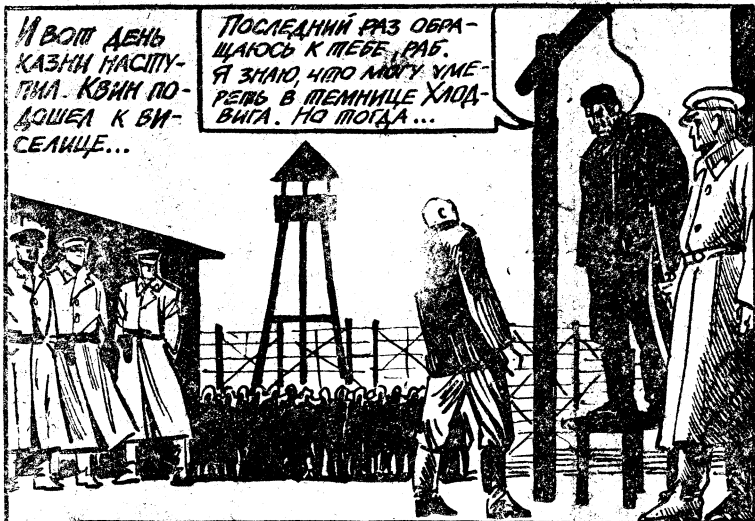

КВИНА И РУВИЯ ОПАТЬ ОТПРАВИЛИ В ЛАГЕРЬ. НАУПРО БЫЛА НАЗНАЧЕНА КАЗНЬ. КАК НАИБОЛЕЕ ОТПИЧИВШИЙСЯ В ПОДАВЛЕНИИ „ЗЕКОВСКОГО МАТЕЖА“, КВИН БЫЛ ПРОИЗВЕДЕН В ПЛАМНИ.

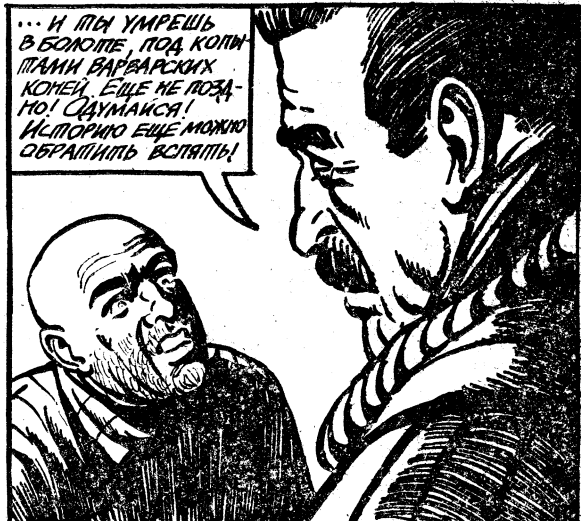

И ВОТ ДЕНЬ КАЗНИ НАСТУПИЛ. КВИН ПОДОШЕЛ К ВИСЕЛИЩЕ...

ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ОБРАЩАЮСЬ К ТЕБЕ, РАБ. Я ЗНАЮ, ЧТО МОГУ УМЕРЕТЬ В ТЕМНИЦЕ ХЛАДВИГА. НО ТОГДА...

... И ТЫ УМРЕШЬ В БОЛОТЕ, ПОД КОПИ ТАМНИ ВАРВАРСКИХ КОМЕЙ. ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО! СДУМАЙСЯ! ИСТОРИЮ ЕЩЕ МОЖНО ОБРАТНИТЬ ВСТАТЬ!

ВАРВАР! ГАД! НЕЛЬЗЯ! БЕСПОЛЕЗНО!

ТАМ ЕСТЬ ПОВОРОТ, Я ЗНАЮ ЭТИ МЕСТА, ИНАЧЕ УГОДИМ В БОЛОТО!

ТАМ НЕТ ОБЪЕЗДА!!!

ПОЛ АНДЕРСОН

РУКА ПОМОЩИ

Пол Уильям Андерсон, известный американский писатель-фантаст, родился 25 ноября 1926 года в городе Бристоле, штат Пенсильвания, в семье эмигрантов из Скандинавии. В 1948 году он окончил Миннесотский университет, где обучался на физическом факультете, но физиком так и не стал. Еще студентом он начал писать «для собственного удовольствия» фантастические рассказы и был немало удивлен, когда в 1947 году два из них были опубликованы в популярных в то время НФ-журналах («Аналог» и «Эстаудинг НФ»). С 1951 года Андерсон издается почти непрерывно, выходят его повести

«Прыжок из веков», «Война двух миров», «Три сердца и три льва» (перевод последней на русский язык 1990 г.). Андерсон написал очень много, только книг, в которых собрано далеко не все из созданного им, вышло на родине писателя 150!

Андерсон — неоднократный лауреат наиболее престижных в США литературных «фантастических» премий («Хьюго» и «Небьюла»), избирался он и президентом Ассоциации писателей-фантастов США.

Любимые жанры П. Андерсона — космическая опера, авантюрная фантастика, фантастические вестерны. Романы, повести и рассказы П. Ан-

дерсона образуют несколько циклов, серий. В самой обширной из них — «Технической истории» — речь идет об отдаленном будущем Земли и колонизированных ею планет. В процессе тяжелого освоения новых миров, по Андерсону, неминуем сначала определенный духовный регресс колонистов, возвращение к уровню земного средневековья, войны, а затем медленное возвращение в лоно цивилизации, приобщение к истинным ценностям культуры. Рассказ «Рука помощи» относится как раз к этому циклу знаменитого американского писателя.

И. ЧЕБАНЕНКО.

РАЗДАЛСЯ мелодичный звон колокольчика, а затем бесцветный голос шефа дипломатического роботокола объявил:

— Его Превосходительство Валка Вахино, Чрезвычайный и Полномочный Посол Планетарной Лиги Кундалоа в Соединенных Республиках Солнца!

Представители Земли вежливо встали при входе посла. Несмотря на неблагоприятные условия, большую гравитацию и сухой, холодный воздух, он двигался с врожденной грацией, вызывая у людей удивление исключительной красотой представляемой им расы.

Красотой совершенно человеческой, поскольку физически, да и умственно, жители Кундалоа были близки людям, а незначительные отличия только добавляли им прелести, создавали романтизм некоторой экзотики, при одновременном ощущении, что это все-таки не совсем чужое.

Ральф Дэлтон внимательно присмотрелся к послу. Валка Вахино был идеальным для своего народа: гуманоидный млекопитающий, двуногий, с мужественным лицом, высокими скулами и темными глазами. Изящный, чуть ниже ростом, чем земляне, он двигался быстро и бесшумно. Длинные сапфировые волосы спускались на плечи, открывая высокий лоб и создавая приятный контраст с темно-золотистой кожей. Посл был одет в древний костюм лауджров с Кундалоа — сверкающую серебристую туннику, пурпурный плащ, покрытый, как роем звезд, металлической вышивкой, и мягкие позолоченные сапоги. В узкой руке с шестью пальцами он держал богато украшенный знак своего ранга, который одновременно служил верительными грамотами. Он поклонился движением, полным уважительности, но без всякого подобострастия, и бегло заговорил на земном языке с небольшим певучим акцентом.

— Мир вашим домам! Великий Дом Кундалоа шлет привет и наилучшие пожелания братьям Республик Солнца. Заверение дружбы привез вам посланник Великого Дома Валка Вахино.

— Премьер Соединенных Республик Солнца Ральф Дэлтон от имени всех народов Солнечной Системы приветствует и поздравляет посланника Великого Дома Валка Вахино и выражает глубокую дружбу Планетарной Лиге Кундалоа.

Затем Дэлтон представил собравшихся: министров, технических советников, представителей штабов. В зале собралась вся правящая элита Солнечной Системы.

— Начинаем конференцию, — продолжал Дэлтон, — по поводу предложений, сделанных нами Великому Дому Кундалоа. Конференция транслируется по телевидению, и решение будет принято на основании наших бесед.

— Понимаю. Это очень хорошая мысль, — ответил Вахи-

но. Он подождал, пока все сели, потом занял место сам.

Воцарилось молчание. Внимание присутствующих было приковано теперь к большим настенным часам. Вахино прибыл точно в назначенное время, а вот Скорроган со Сконтара запаздывал. «Отсутствие такта», — подумал Дэлтон. Впрочем, сконтариане известны дурными манерами, в противовес кундалоанцам, чья деликатность вошла в поговорку, но при этом вовсе не означала слабости.

Начался обычный в таких обстоятельствах выжидательный разговор. Как оказалось, Вахино не раз бывал в Солнечной Системе, особенно в последнее время. Ничего удивительного, если вспомнить все более тесные экономические связи обеих планет. В университетах Земли обучалось множество кундалоанских студентов, а перед войной наблюдалось большое движение туристов в Землю на Кундалоа и, наоборот, возобновится, когда планета начнет подниматься из руин.

— О да, — говорил Вахино. — Мы очень надеемся на это. Тем более вся молодежь Кундалоа мечтает о поездке на Землю, хотя бы ненадолго. Без преувеличения можно сказать, что мы испытываем безграничный восторг перед вами и вашими достижениями.

— Этот восторг взаимен, — сказал Дэлтон. — Ваша культура, ваша литература, искусство и музыка пользуются большой популярностью во всей Системе. Множество людей — и не только ученых — учит лауджский язык, чтобы прочесть Дванагоа-Элаи в оригинале. Кундалоанские эстрадные певцы имеют огромный успех, а ваши юноши, — он улыбнулся, — с трудом отбиваются от наших девушек. И если число браков до сих пор невелико, то только потому, что они бесплодны.

— И все же, — настаивал Вахино, — мы отдаем себе отчет, что ваша цивилизация задает тон во всей Галактике. Дело не только в том, что технически цивилизация солариан стоит выше всех, хотя это и одна из главных причин: вы первые поделились с нами своими научными достижениями. Но сейчас речь идет о вашем предложении помощи: готовности отстроить уничтоженные миры, отстоящие от вас на целые световые годы, готовности поделиться с нами вашими сокровищами и знаниями, поскольку нам практически нечем отблагодарить вас. Одно это ставит вас во главе всех рас Галактики.

— Как вам хорошо известно, наши мотивы эгоистичны, — сказал Дэлтон слегка смущенно. — Разумеется, обычный гуманизм тоже играет роль: мы не можем позволить, чтобы раса, похожая на нас, терпела нужду, тогда как Солнечная Система и ее колонии ни в чем не нуждаются. Но наша собственная кровавая история учит, что экономическая помощь, вроде нынешнего плана, выгодна и для помогающего. Когда

мы отстроим Кундалоа и Сконтар, модернизируем их отсталую промышленность — можно будет начать торговлю. А наша экономика по-прежнему опирается прежде всего на торговлю. Кроме того, мы установим связи настолько тесные, чтобы не могла повториться страшная, только что закончившаяся война, обретаем союзников против действительно чуждых и грозных цивилизаций Галактики, с которыми нам одинажды, может быть, придется столкнуться.

— Мы молим Высочайшего, чтобы этот день никогда не пришел, — сказал Вахино.

Колокольчик зазвенел снова, и роботизированные присутствующих:

— Его Превосходительство Скорроган, сын Валтака, князь Кракахейма, Чрезвычайный и Полномочный Посол Империи Сконтара в Соединенных Республиках Солнца!

Все снова встали, на этот раз несколько медленнее, и Дэлтон заметил на многих лицах выражение неудовольствия, которое в момент входа гостя сменилось обязательной вежливостью. Трудно было отрицать, что сконтариане сейчас не очень-то популярны на планетах Солнечной Системы. Частично по собственной вине, но только частично.

Повсеместно считалось, что войну начал Сконтар, однако это было неверно. Несчастье заключалось в том, что солнца Фрэнк (центр планетарной системы Сконтара) и Аваки (центр системы Кундалоа) находились в половину светового года, а между ними располагалось солнце Аллаа с целой плеядой планет.

Когда земляне добрались до Сконтара и Кундалоа, там уже существовали сравнительно мощные государства, желающие прибрать к рукам зеленые планеты Аллана. Оба государства имели там колонии, что вызывало постоянные стычки, переросшие впоследствии в отвратительную пятилетнюю войну, закончившуюся истощением обеих систем и миром, заключенным при посредничестве Земли.

Что касается людей, то они любили кундалоанцев и тем самым не любили сконтариан, которым приписывали вину за все. Впрочем, и перед войной Сконтар не пользовался особой симпатией. Его жителей обвиняли в изоляционизме, стремлении во что бы то ни стало придерживаться отживших, с точки зрения землян, традиций, вызывающем образе жизни и даже внешнем виде.

Дэлтону пришлось туго, когда он пытался склонить Собрание пригласить Сконтар на конференцию экономической помощи. С большим трудом премьеру удалось объяснить, насколько это необходимо — и чтобы получить доступ к природным богатствам Сконтара, и чтобы заручиться дружбой государства могучего, но державшегося до сих пор вдалеке.

Программа оказания помощи существовала только в сфере проектов. Требовалось одобрение Собрания, определяющего, кому нужно помогать, а потом — переговоры с заинтересованными системами планет. Нынешняя неофициальная встреча была только первым и вступительным шагом. Но шагом решающим.

При входе сконтарианина Дэлтон вежливо поклонился. Посол в ответ стукнул об пол древком огромного когтя, приклонил свое оружие к стене, после чего вынул из-за пояса и подал земному премьеру атомный пистолет. Дэлтон осторожно взял его и положил на стол.

— Приветствую и поздравляю, — сказал он, видя, как Скорроган молчит. — Соединенные Республики Солнца...

— Спасибо, — прервал его хриплый бас. — Валтам Империи Сконтара шлет привет премьеру Солярии устами Скоррогана, князя Кракахейма.

ПОСОЛ выпрямился, заполняя зал своей могучей, отталкивающей фигурой. Принадлежа к миру высокой гравитации и низких температур, сконтариане были, однако, расой гигантов, более двух метров ростом, при этом так разросшиеся в ширину, что казались толстыми. Их можно считать человекоподобными, поскольку они были двуногими млекопитающими, но на этом сходство кончалось. Из-под широкого низкого лба и нависших бровей Скоррогана смотрели ястребиные глаза. Нижняя часть лица была срезана и оканчивалась на месте подбородка мощным костяным бивнем. Челюсти полны страшных клыков, а высоко на черепе торчали короткие уши. Густая коричневая шерсть покрывала тело до самого кончика подвижного хвоста, с головы и шеи свисала рыжая грива. Не обращая внимания на тропическую для него температуру, посол был одет в церемониальные меха и распространял

вокруг себя острый запах пота.

— Князь опоздал, — с сомнительной вежливостью сказал один из министров. — Надеюсь, не было никаких серьезных прелятствий...

— Нет, — ответил Скорроган. — Просто я просчитался со временем. Прошу прощения, — добавил он не слишком извиняющимся тоном, тяжело рухнул на ближайшее кресло и открыл папку. — Перейдем к делу, господа?

— Ммм., пожалуй, да. — Дэлтон уселся посреди длинного конференц-зала. — В этом вступительном разговоре мы не будем излишне интересоваться цифрами и фактами, а хотим только согласовать основные цели и общие задачи политики.

— Разумеется, вы захотите ознакомиться с нынешним положением ресурсов Кундалоа, а также алланских колоний, — сказал своим мягким голосом Вахино.

— Да, — сказал Дэлтон. — Мы пошлем целый отряд экспертов, технических советников...

— Кроме того, — начал начальник штаба, — возникнет проблема военных запасов...

— У Сконтара есть своя армия, — буркнул Скорроган. — Пока об этом можно не беспокоиться.

— Может и нет, — согласился министр финансов. Он вынул сигарету и закурил.

— Прошу вас, — рявкнул Скорроган. — Прошу не курить! Вы знаете, что сконтариане чувствительны к табаку...

— Простите! — Министр финансов раздавил сигарету и взглянул на Дэлтона. Рука министра слегка дрожала. Опасения были напрасными, климатизация моментально устранила дым, к тому же, кто кричит на члена правительства, являющийся просить помощи...

— Не надо забывать и другие планетные системы, — поспешно сказал Дэлтон, отчаянно стараясь сгладить инцидент. — Не только солярианские колонии. Думаю, экспансия ваших двух рас выйдет за пределы вашей тройной системы, а запасы, обретенные таким образом...

— Для Сконтара экспансия необходима! — воскликнул Скорроган. — Договор просто ограбил нас! Впрочем, неважно. Простите. Тяжело сидеть за одним столом с врагами, особенно невидимыми.

На этот раз молчание длилось долго. Дэлтон с почти физическим неудовольствием понял, что Скорроган необратимо разрушил согласие. Даже пойми он ситуацию и попытайся ее исправить — а кто видел, чтобы аристократ Сконтара начинал объясняться! — было уже слишком поздно. Сотни миллиардов людей у своих телевизоров стали свидетелями небывалой наглости посла недружественного государства. Кроме того, слишком много влиятельных личностей Солярии сидело в этом зале, смотрело в его презрительные глаза и чувствовало острый запах нечеловеческого пота.

Сконтар не получит помощи.

На закате тучи повисли над темной линией гор, и холодный порыв ветра принес в долину весть о зиме. С неба летели первые снежинки, кружились на фоне темно-пурпурного неба, кровавого от гаснущего зари. К полуночи начнется метель.

Точно слепленный из темноты, показался космический корабль и скользнул в ангар. За небольшим космопортом в полумраке виднелся старый город Гейрхен. Отблески заката падали на крутые крыши старых домов, извилистые улочки были пусты, как овраги, они поднимались на вершину холма, где возвышался мрачный замок, древнее гнездо баронов. Балтам выбрал его своей резиденцией, и маленький Гейрхен был теперь столицей Империи, поскольку от гордого Скринора и великолепного Труванга остались только радиоактивные руины, и дикие звери были сейчас на пепелище старого дворца.

Скорроган, сын Валтака, вышел из корабля, вздрогнул и плотнее завернулся в меха. Сконтар был холодной планетой, на которой мерзли даже местные жители.

У входа в ангар посла ожидали высшие вожди Сконтара. Не меняя маски равнодушия на лице, Скорроган внутренне содрогнулся.

На встречу пришел сам Валтам. Его белая грива развевалась по ветру, золотые глаза горели зловещим огнем, и в них проглядывала плохо скрываемая ненависть. Рядом с Императором стоял его старший сын и наследник Тордин. В пурпуре заката острие его копья выглядело как испачканное кро-

вью. За правителем толпились вельможи Сконтара, маркграфы Сконтара и других планет, за ними поблескивали шлемы и кирасы лейб-гвардии. Лица были в тени, но от них исходило презрение и враждебность.

Скорроган подошел к Валтаму, приветственно ударил копьем и слегка наклонил голову. Воцарилась тишина, только ветер постанывал и поднимал в воздух снег.

Наконец заговорил Валтам, безо всяких вступительных приветствий. Это прозвучало, как пощечина.

— Итак, ты вернулся, — сказал он.

— Да, господин, — Скорроган изо всех сил старался говорить спокойно, но это ему удавалось с трудом. Он не боялся смерти, но тяжесть неудачи давила на него. — С пригорбем должен сообщить, что моя миссия провалилась.

— Это известно, — холодно ответил Валтам. — Мы видели телерапорт.

— Милостивый господин, Кундалоа получит от соляриан неограниченную помощь, а Сконтару отказано во всем. Никаких кредитов, никаких технических советников, ничего. И мы не можем рассчитывать на торговлю и туристов.

— Мы знаем, — сказал Тордин. — А ты был послан получить эту помощь.

— Я пытался, господин. — Скорроган говорил, потому что должен был что-то сказать. — Соляриане испытывают к нам инстинктивную неприязнь, они любят кундалоанцев, а мы сильно отличаемся от них.

— Да, отличаемся, — холодно признал Валтам, — но прежде это не имело особого значения. Впрочем, и сейчас мингиане, гораздо менее человекоподобные, чем мы, получают от соляриан огромную помощь. Такую же, как Кундалоа, и какую могли получить мы. Мы хотим, — продолжал он, — самых хороших отношений с сильнейшим государством Галактики, и могли бы их иметь. Из надежных источников я знаю, какие настроения царили в Соединенных Республиках, соляриане были готовы помочь нам, оказав мы хоть немного желания к тому. Тогда можно было бы подумать о восстановлении, и даже о большем... — голос его сорвался.

После паузы он заговорил снова, но теперь к отчужденности и горечи все сильнее примешивалась ненависть:

— Я послал тебя как моего специального представителя, чтобы ты получил великодушно предложенную помощь. Я верил в тебя, не сомневался, что ты понимаешь тяжесть нашего положения... А ты, ты вел себя нагло, бесцеремонно. В глазах соляриан ты оказался олицетворением тех черт, которые они в нас ненавидят. Ничего удивительного, что нам отказали. Еще хорошо, что не объявили войны!

— Может быть, пока не поздно, — сказал Тордин, — мы пошлем другого...

— Нет, — Валтам поднял голову с врожденной гордостью этой железной расы, с надменностью, свойственной культуре, для которой честь всегда была важнее жизни. — Скорроган был нашим полномочным послом, и если мы будем извиняться за него — не за ошибочный поступок, а за его плохое воспитание — это все равно, что ползать на коленях перед Галактикой... Нет, это невозможно! Мы должны обойтись без соляриан!

СНЕГ пошел гуще, тучи закрыли все небо. Лишь в одном месте сверкала несколько звезд.

— Что за цена чести! — воскликнул Тордин. — Сконтар голодает, а продукты соляриан могли бы поддержать его. Ходит в лохмотьях — соляриане прислали бы одежду. Наши заводы уничтожены или устарели, наша молодежь растет, не зная галактической цивилизации и технологии. — соляриане прислали бы нам машины и техников, помогли в восстановлении. Они прислали бы учителей — и перед нами открылась бы дорога к величию... Но слишком поздно. — Тордин удивленно смотрел на своего друга Скоррогана. — Ну почему ты это сделал? Почему?

— Я сделал, что мог, — сухо ответил Скорроган, — а если не подходил для этой миссии, нужно было послать кого-нибудь другого.

— Ты подходил, — сказал Валтам. — Ты был лучшим дипломатом. Твоя ловкость, твое понимание внесконтарианской психологии, твой выдающийся ум делали тебя незаменимым во внешних сношениях. А ты в таком простом и важном деле... Но, хватит! — Голос его перекрыл рев ветра. — Мое доверие к тебе исчерпано! Сконтар узнает, что ты погубил его!

— О, господин! — воскликнул Скорроган прерывающимся голосом. — Я стерпел от тебя слова, за которые любой другой заплатил бы кровью! Но не заставляй меня слушать дальше. Позволь мне уйти.

— Я не могу лишить тебя следственных прав и титулов, — сказал Валтам, — но твоя роль в правительстве Империи закончена, и отныне не смей показываться при дворе. Сомневаюсь, что у тебя будет много друзей.

— Может быть, — ответил Скорроган. — Но я сделал все, что было в моих силах, а теперь, даже если бы мог объяснить свою позицию, не сделаю этого после таких оскорблений. Однако, если мне будет позволено посоветовать кое-что относительно будущего Сконтара...

— Это лишнее, — сухо сказал Валтам.

— ...то подумайте о трех вещах. — Скорроган указал копьем на далекие блестящие звезды. — Во-первых, помните о трех солнцах. Во-вторых, о некоторых новых работах в области науки и технологии у нас, здесь — таких, как работа Дирина по семантике. И, наконец, — посмотрите вокруг. Взгляните на дома, построенные вашими отцами, на одежду, которую носите, послушайте свой язык. И лет через пятьдесят приходите ко мне... чтобы извиниться!

Он закутался в плащ, поклонился Валтаму и, широко шагая, двинулся через поле к городу. Они смотрели ему вслед с горечью и непониманием.

В городе был голод. Бывший посол чувствовал его сквозь стены, голод отчаявшихся, истощенных существ, скорчившихся у костров и не знающих, переживут ли они зиму. На мгновение он задумался — сколько из них умрет? — но кивком головы прогнал эти мысли.

Услышав чью-то песню, он остановился. Странствующий бард, бродящий в поисках хлеба от города к городу, шел по улице, а ветхий плащ развевался на ветру. Тонкими пальцами бард трогал струны арфы и пел древнюю балладу, в которой заключена была вся резкая мелодичность, весь звучный, железный тембр древнего языка Сконтара. Чтобы отвлечься, Скорроган перевел две строфы на земной язык: Крылатые птицы войны (в диком полете) будят замершее зимой (стремление к дальнему пути.) Милая моя, пришло время, / пой о цветах, / прекраснейшая, / когда прощаешься, / Будь здорова, я люблю тебя, /

Все напрасно. Не только терялся металлический ритм твердых, острых слогов, не только пропадала сложность рифм и аллитераций, но, хуже всего, в переводе на земной это не имело смысла. Не хватало подходящих слов. Как можно, например, переводить полное всевозможных оттенков «виркансравин» словом «прощаться»? Нет, их психологию слишком различны.

Да, в этом смысл его ответа, данного вождям. Но и они не поймут. Не могут понять. Пока не могут понять. И он останется один перед лицом наступающей зимы.

Валка Вахино сидел в саду и купался в солнечных лучах. Теперь у него редко бывала возможность для «аликаул» — как же это перевести на земной язык? «Сиеста»? Не совсем точно: кундалоанец отдыхал, но никогда не спал после полудня. Он сидел или лежал во дворе, солнце проникало внутрь его тела, или же его обмывал теплый дождь. Он позволял своим мыслям плавать спокойно. Соляриане называли это мечтой наяву, хотя это было нечто иное, но в земном языке не нашлось подходящего слова. «Психическое расслабление» звучало уж очень неуклюже.

Иногда Вахино казалось, что он не отдыхал никогда. Тяжкие обязанности времен войны, потом утомленные путешествия на Землю... А в последнее время Великий Дом именовал его Верховным Святым, уверенный, что никто лучше него не понимает соляриан.

Может, и так. Он провел среди них много времени и любил их как расу и как отдельных индивидуумов. Но... великие духи! Как они работали и какими были постоянно загнанными! Можно было подумать, что за ними гонится стая демонов.

Честно говоря, не было другого способа восстановления хозяйства, реформы устаревших традиций и получения таких желанных, ошеломляющих богатств. Но, с другой стороны, какое наслаждение лежать в саду, смотреть на большие золотистые цветы, вдыхать воздух, насыщенный их ароматом, слушать жужжание насекомых и думать над новым стихом, возникающим в голове.

Солярианам трудно понять народ, состоящий из одних поэтов, а ведь самый глупый и ничтожный кундалоанец умел, вытянувшись на солнце, слагать стихи. Что ж, у каждой расы свои таланты. Разве можно сравниться с изобретательским гением землян?

В голове Вахино кружились звучные и певучие выражения. Он укладывал их, подбирая каждый слог, и с растущим наслаждением создавал целое. Да, так будет хорошо. Это запомнят и будут петь и через сто лет. Валка Вахино не будет забыт. Кто знает, не назовут ли его мастером стихосложения — алия амауи кауанхино валана вро!

— Простите, господин! — Тупой, металлический голос заскрежетал в его мозгу. Деликатная ткань поэзии затрещала по швам и улетучилась, подобно покрывалу Елены Прекрасной из трагедии «Фауст» земного поэта Гете. Некоторое время Вахино не чувствовал ничего, кроме боли утраты.

— Простите, но мистер Ломбард хочет видеть вас.

Голос принадлежал роботу-курьеру, подарку самого Ломбарда. Вахино раздражало это устройство из блестящего металла, среди старых gobеленов и барельефов, но он боялся обидеть дарителя, а предмет был полезен.

Ломбард, начальник солярианской комиссии восстановления, был важнейшим человеком во всей системе Аваики, и теперь даже Вахино оценил его вежливость: вместо того, чтобы послать за Верховным Связным, солярианин потрудился явиться сам. Вот только время выбрал не очень удачно.

— Передай мистеру Ломбарду, что я сейчас буду.

Нужно что-нибудь надеть на себя. В отличие от кундалоанцев, люди были очень чувствительны к нагоде. Наконец, он вышел в зал, где велел установить несколько кресел для землян, которые неохотно сажались на традиционные плетеные маты. Увидев Вахино, Ломбард встал.

Землянин был низким, плотным, с седыми волосами. Собственным трудом он поднялся до начальника миссии, и усилил эти оставили на нем заметные следы. За любую работу он брался с яростью и был тверд, как сталь. Он был напорист, имел множество интересов, а в своей деятельности в Системе Аваики добился настоящих чудес.

— Мир вашему дому, брат, — растягивая звуки, пропел Вахино.

— Добрый день, — сказал землянин, и, видя, что Вахино делает знаки прислуге, поспешно добавил: — Только без ритуалов! Я их очень ценю, но сейчас просто нет времени сидеть битый час за столом и переливать из пустого в порожнее, говорить о культуре, благе, уважении друг к другу, прежде чем перейти к делу. Я как раз хотел, чтобы вы как местный житель объяснили согражданам, что нужно обязательно покончить с этим.

— Но это наш старейший обычай...

— Вот именно — старейший. И затрудняет прогресс. Я не имею в виду ничего плохого, мистер Вахино, и хотел бы, чтобы у нас были такие же прекрасные обычаи, но только не во время работы. Очень вас прошу.

— Думаю, что вы правы. Это просто не подходит для современной модели промышленной цивилизации, а именно к ней мы идем. — Вахино сел на стул и подал гостю сигарету. курение было типичным пороком соляриан, к тому же очень заразным. Вахино тоже закурил с радостью нефонта.

— По этому-то делу я и пришел, мистер Вахино. У меня нет никаких определенных жалоб, но набралось множество мелких трудностей, с которыми только вы сами можете справиться. Мы, соляриане, не хотим, не можем вмешиваться в ваши дела, но кое-что вы должны изменить, иначе мы не сможем вам помочь.

ВАХИНО уже все знал. Он ждал этого визита давно и сейчас с грустью подумал, что деваться некуда. Затянувшись сигаретой, он выпустил клуб дыма и вежливо поднял брови вверх, однако тут же вспомнил, что у соляриан изменение выражения лица не составляет части разговора, и поэтому громко сказа-

л: — Прошу вас, откройте мне, что у вас на сердце. Я понимаю, здесь нет намерения обидеть вас и потому не увижу его.

— Хорошо! — Ломбард наклонился в его сторону и доверительно коснулся плеча кундалоанца. — Дело в том, что вся ваша культура, вся ваша психология не подходит для современной цивилизации. Это можно изменить, но изменение

должно быть радикальным. Чтобы его произвести, вы должны принять соответствующие уставы, организовать пропагандистскую кампанию, изменить систему образования и так далее.

— Возьмем, например, — продолжал он, — такой обычай, как сиеста. Сейчас, когда мы беседуем с вами, на всей планете не крутятся ни одно колесо, ни одна машина, никто не работает. Все лежат на солнце, слагают стихи, мурлычат песенки или просто дремлют. Так нельзя, Вахино, если мы хотим построить развитую цивилизацию! Плантации, рудники, фабрики, города! Мы не справимся при четырехчасовом рабочем дне!

— Да, конечно, конечно, конечно, но, может, у нас нет энергии вашей расы? Вы — вид особо интенсивной деятельности щитовидной железы.

— Это дело привычки. Нужно только научиться. Совсем не обязательно работать через силу. Мы для этого и механизуем вашу жизнь, чтобы избавить вас от непомерных физических усилий и перегрузок. Но машинную цивилизацию невозможно изменить, примирить с таким количеством верований, обрядов, обычаев и традиций, как у вас. Вы очень напоминаете мне сконтариан, которые не могут расстаться со своими древними копьями.

— Традиция придает жизни ценность и придает ей смысл...

— Культура машин создает собственные традиции. Со временем вы убедитесь в этом. Она создает собственный смысл, и, думаю, это смысл завтрашнего дня. Упорно придерживаясь устаревших обычаев, вы никогда не достигнете истории. Ваша денежная система...

— Очень практична.

— По-вашему, да. Но как вы можете торговать с Землей, если оперируете серебром? Вы должны перейти на нашу систему и тоже ввести абстрактные деньги. То же самое и с метрической системой, если вы хотите пользоваться нашими машинами или договориться с нашими учеными. Короче говоря, вы должны взять от нас все. — Ломбард сделал паузу. — А ваши собственные понятия! Ничего удивительного, что вы не сумели подчинить планеты своей собственной системы, если каждый из вас обязательно хочет быть похороненным там, где родился. Это прекрасное чувство, но и только. Вам придется избавиться от него, коль скоро намереваетесь достигнуть звезд. — Он заколебался, потом сказал: — Даже ваша религия... прошу простить, но в ней есть такие вещи, которые современная наука решительно отвергает.

— Я агностик, — спокойно ответил Вахино, — но для многих из нас религия Мауироа очень важна.

— Если бы Великий Дом позволил нам привезти миссионеров, мы могли бы обратить всех в, скажем, неопантеизм. По-моему, это гораздо более утешительно, научно, чем ваша мифология. Если кундалоанцам обязательно нужно во что-то верить, то пусть это будет вера, согласующаяся с фактами, которые опираются на данные нашей науки.

— Может быть. Я тоже полагаю, что родовые связи слишком запутаны и жестки для современной общественной организации... Да, перемены должны быть более глубокими, чем просто развитие промышленности.

— Разумеется, — тотчас подхватил Ломбард. — Речь идет о полном изменении склада ума. Впрочем, со временем вы пришли бы к этому сами. Наш приход лишь ускорит технический прогресс на Кундалоа.

— А язык?

— Не хочу, чтобы меня обвинили в шовинизме, но думаю, что все кундалоанцы должны изучать солярианский. Раньше или позже, но им понадобится. Все ваши ученые и техники должны бегло говорить на чем. Языки лаул, муара и другие — превосходны, но для передачи научных терминов совершенно не годятся. Уже одна многозначительность... честно говоря, ваши философские книги звучат для меня очень туманно. Это прекрасно, но лишено четкого смысла. Вашему языку не хватает точности.

— Мы всегда считали, что араклес и вранамуаи, — грустно сказал Вахино, — образцы кристаллической ясности мысли. Должен признать, что для меня ваш Кант или Рассел тоже не всегда понятны. Другое дело, что я не имею в этом никакого опыта. Наверное, вы правы. Я поставлю вопрос перед Великим Домом, и, может, уже теперь удастся что-нибудь сделать. Но в любом случае, вам не придется долго ждать. Вся наша молодежь мечтает стать такой, как вы хотите, а это гарантия успеха.

— Да, согласился Ломбард, потом мягко добавил: — Я бы предпочел, чтобы успех стоил не так дорого. Но достаточно взглянуть на Сконтар, чтобы понять, насколько это необходимо.

— О, Сконтар! За последние три года они совершили настоящие чудеса. Они пережили страшный голод и сейчас не только отстроились, но даже организовали экспедиции на далекие звезды в поисках колоний. — Вахино улыбнулся. — Я не люблю наших бывших врагов, но трудно не восхищаться ими.

— Да, они отважны, — согласился Ломбард, — но что с этой отваги? Устаревшая техника для них — камень на шее. Кундало со значительно меньшим населением уже сейчас производит продукции в несколько раз больше, а когда мы модернизируем вашу промышленность полностью! Да что говорить! Звездные колонии Сконтара — крохотные поселения, целиком зависящие от метрополии! Сконтар может выжить, но всегда будет силой десятого порядка. Может, он даже станет вашей колонией, и вовсе не потому, что им не хватает природных или других ресурсов. Дело в том, что отбрасывая наше предложение о помощи, — а так оно и было, — они ушли с магистральной линии галактической цивилизации. Сейчас они пытаются развить науку и создавать оборудование, которое мы имели много столетий назад. И совершают такие промахи, что нельзя без сожаления смотреть на них! Их язык, как и ваш, не пригоден для изложения научных мыслей, традиция постоянно скрывает их. Например, я видел их космические корабли, которые строились по собственным проектам, вместо того, чтобы копировать наши модели... Они просто гротескны! Сто разных путей, чтобы выйти на дорогу, по которой мы идем уже давно. У них есть корабли шарообразные, овальные, кубические... Я даже слышал, что кто-то там проектирует корабль-тетраэдр!

— В принципе это возможно, — буркнул Вахино. — Геометрия Римана, на которой основано их проектирование, допускает...

— Исключено! Земля уже пробовала все подобные варианты, и ничего не вышло. Только чудак — а ученые Сконтара в своем единении становятся кланом чудачков — может так думать. Нам, людям, посчастливилось — и это все. Однако и наша культура долго создавала психологию, пригодную для научной цивилизации. Мы долго топтались на месте, но потом, в итоге все же достигли звезд. Другие расы могут сделать то же самое, но сначала они должны создать соответствующую цивилизацию и подготовить нужный склад ума. А без вашей помощи ни Сконтар, ни любая другая планета не смогут сделать этого еще долгие века. Как-то я получил, — продолжал Ломбард, роясь в карманах, — получил один из философских сконтарских обзоров. Так вот, один из философов, Дирин, занимающийся общей семантикой, произвел сенсацию... — Ломбард наконец нашел журнал. — Вы читаете по-сконтарски, правда?

— Да, — сказал Вахино. — Во время войны я работал в разведке. Покажите-ка... Он нашел упомянутый абзац и начал переводить вслух:

«В предыдущих статьях автор показал, что сам по себе принцип безатомности не универсален, но должен быть подвергнут неким психоматематическим ограничениям, вытекающим из относительности броданаричного... этого я не понимаю... «поля, которое в соединении с электронными атомоволнами...».

— Какой бред! — воскликнул Ломбард.

— Не знаю, — беспомощно ответил Вахино. — Сконтарская психология чужда мне, так же, как ваша.

— Маразм, чушь, — сказал Ломбард, — к тому же с вечным сконтарским догматизмом! — Он бросил журнал на маленькую печь из бронзы, и огонь быстро расправился с листами. — Это понятно каждому, кто имеет хоть малейшее понятие об общей семантике и хотя бы каплю рассудка! — Он презрительно улыбнулся и покачал головой. — Раса чудачков!

— Я хотел бы, чтобы ты нашел для меня несколько часов завтра утром, — сказала Скорроган.

— Постараюсь, — Тордин XI, Император Сконтара кивнул своей поредевшей гривой. — Хотя предпочел бы на будущей неделе.

— Завтра! Очень тебя прошу!

— Хорошо, — согласился Тордин. — Но в чем дело?

— Я хочу совершить небольшую экскурсию на Кундало.

— Почему именно туда? И почему завтра?

— Расскажу, когда встретимся, — Скорроган наклонил голову, покрытую еще густой, но белой, как молоко, гривой, и выключил свой экран.

Тордин снисходительно улыбнулся. Скорроган был известен своими чудачествами. «И все-таки старики должны держаться вместе, — подумал он. — Выросли уже два поколения, и оба наступают нам на пятки».

ТРИДЦАТЬ с лишним лет внутреннего изгнания почти не изменили самоуверенного вельможу. Правда, с течением времени озлобление прошло, и когда медленно, но верно Сконтар стал подниматься из руин, и память о трагическом проступке послала несколько потускнела, прежний круг друзей — особенно после смерти Императора Валтама — стал постепенно возвращаться к отшельнику. Со временем возобновились и отношения с новым Императором, другом юности — Тордин частенько посещал Краакахейм или приглашал Скоррогана во дворец. Он даже предложил старому аристократу вернуться в Высший Совет, но тот отказался, и прошло еще десять — а может двадцать? — лет, в течение которых Скорроган жил тихо и незаметно. И вот теперь он впервые обратился с просьбой... «Да, — подумал Тордин, — я полечу с ним завтра. К дьяволу работу! Монархам тоже иногда нужен от-дых».

Он встал с кресла и, хромяя, подошел к окну. Новые эндокринные процедуры чудесно воздействовали на его ревматизм, но лечение еще не кончилось. При виде снега, покрывшего долину, Тордин вздрогнул. Зима снова была близко.

Геологи утверждали, что Сконтар вступает в новый ледниковый период. Однако он никогда не наступит. Скоро инженеры-климатологи включают свою технику, и ледники навсегда вернутся на север, но пока на дворе бело и холодно, а пронизывающий ветер завывает у стен дворца.

А в южном полушарии сейчас лето, дозревают поля, ученые сообщают, что ожидается большой урожай. Кто возглавляет там научную группу?.. Ах да, Аесгайр, сын Хастинга. Его работы в области генетики и астрономии сделали возможным для независимых крестьян выращивать достаточно продуктов для новой научной цивилизации. Старый вольный крестьянин, опора Сконтара в течение его истории, а существовал по-прежнему. Менялся лишь мир, в котором он жил. Тордин грустно улыбнулся, подумав о преобразившейся за последние десятилетия Империи. Новые психосимволические способы правления опирались на открытия Дирина из области общей семантики, открытия очень важные вообще для любой науки. Теперь Сконтар был империей только по названию. Он разрешил парадокс соединения либерального государства с неизбирательным, но деловым правительством. Хорошие полезные перемены, вся прошлая история Сконтара медленно, с трудом стремилась к ним. Новые знания ускорили процесс, втиснув в два коротких поколения столетия развития. И странное дело, хотя естественные и биологические науки устремились вперед с невероятной скоростью, искусство, музыка и литература изменились мало, ремесла сохранились, люди продолжали говорить на древнем языке наархейм.

Тордин вернулся к столу. У него еще было много работы. Хотя бы вопрос о поколении на планете Аэри! Впрочем, разве можно управлять без хлопот межзвездной сетью из нескольких сотен быстро развивающихся поселений? Однако это было не так важно в сравнении с тем, что Империя крепко стояла на ногах и росла.

Они далеко ушли от тех дней отчаяния, от эпохи голода и эпидемий. Тордин подумал, что даже он не до конца понимает, насколько длинна эта дорога.

Взяв микроленту, он принялся просматривать доклад министерства финансов. Хотя он и не владел новым методом так хорошо, как молодые, все же анализировал и подсчитывал бегло и не понимал, как когда-то мог обходиться без всего этого.

Тордин подошел к нише в воротах центральной башни замка Краакахейм. Скорроган назначил встречу там, а не внутри, потому что любил открывающийся оттуда вид. «Великолепно! — подумал Тордин, — но эти дикие скалы, торчащие из бурого моря туч, заставляют голову кружиться». Над ним поднимались древние зубцы, а еще выше, по склону горы, черные заросли краакара, от которого пошло название скального снеда. Ветер яростно свистал и взметал сухим снегом.

Охрана приветственно подняла копы. Впрочем, другого оружия у них не было. Оно и ни к чему в центре государства, уступающего мощью только соларианам. Скорроган вышел навстречу. Пятьдесят лет почти не согнули его спину, а глаза не потеряли белой зоркости. Однако сегодня Тордин заметил у него признаки таящегося в глубине напряженного ожидания. Как будто он уже видел конец пути.

Скорроган сделал приветственные жесты и пригласил друга вступить.

Князь произнес обычную формулу сожаления, однако было видно, что он сам дрожит от нетерпения и с трудом выдержал бы часовой разговор в замке.

— В таком случае идем, — сказал он. — Мой корабль готов.

Стройный, небольшой корабль тетраэдрической формы стоял на задах замка. Они вошли и заняли места у огромного иллюминатора.

— А сейчас, — сказал Тордин, — может, ты скажешь, почему именно сегодня хочешь лететь на Кундалоа?

— Сегодня, — медленно ответил Тордин Скорроган, — исполнилось ровно пятьдесят лет после моего возвращения с Земли.

— Вот как? — удивился Тордин, и ему стало неприятно. Неужели старик решил вернуться к старым счетам?

— Может, ты не помнишь, — продолжал Скорроган, — но тогда я сказал вождям, что через пятьдесят лет они придут ко мне извиниться.

— И теперь ты решил отомстить? — Тордина это не удивило — типичное проявление сконтарианской психологии, — но он еще не видел причин для извинений.

— Да, — сказал Скорроган. — Тогда я не хотел этого объяснять, да никто и не стал бы меня слушать, кроме того, я и сам не был уверен, что поступил правильно.

Он улыбнулся и взял сухими ладонями за руль. — Теперь эта уверенность у меня есть. Время подтвердило мою правоту, и сегодня я докажу тебе, что моя миссия тогда увенчалась успехом. Видишь ли, я намеренно оскорбил землян.

Скорроган запустил двигатель, и корабль стартовал. От Кундалоа Сконтар отделяло расстояние в половину светового года, но звездолеты новой конструкции могли покрыть его в четверть часа. Вскоре перед ними появился большой голубой шар Кундалоа, сверкавший на фоне миллионов звезд.

Тордин сидел спокойно, пока это необычное, хотя и простое заявление доходило до его разума. Император ожидал чего-то подобного; он никогда всерьез не верил, что Скорроган так неумен.

— Со времен войны ты редко бывал на Кундалоа, правда? — спросил Скорроган.

— Да, всего трижды и каждый раз ненадолго. Они хорошо живут. Солариане помогли им встать на ноги.

— Хорошо... — На губах Скоррогана появилась улыбка, больше похожая на гримасу плача. — Они купаются в роскоши, и она буквально насквозь раздвигает всю их систему вместе с тремя звездными колониями.

Он гневно рванул на себя руль, корабль задрожал. Сели они на краю большого космопорта в Кундалоа-сити.

— И что теперь? — шепотом спросил Тордин. Ему вдруг стало страшно, и он смутно ощущал, что будет не рад тому, что увидит.

— Проедем по столице, — сказал Скорроган, — и, может, если будет интересно, прогуляемся по планете. Я хотел, чтобы мы явились сюда неофициально, инкогнито, ибо это единственный способ увидеть их повседневную жизнь, что гораздо важнее, чем любые статистические данные. Я хочу показать тебе, Тордин, от чего уберег Сконтар! — воскликнул он с болезненной улыбкой. — Вся жизнь я отдал за свою планету. Во всяком случае, пятьдесят лет жизни... пятьдесят лет позора и одиночества.

ОНИ миновали ворота и вышли на покрытую сталью и железобетоном равнину. Здесь царило непрерывное движение, постоянное излучение горячего энергии соларианской цивилизации. Значительную часть толпы составляли люди, прибывшие на Аваики по делам или для развлечений. Были также представители нескольких других рас, но большинство составляли, конечно, местные жители. Впрочем, их не всегда можно было отличить от людей. Обе расы и без того были похожи друг на друга, а поскольку кундалоанцы одевались по-солариански...

Тордин удивленно покачал головой, вслушиваясь в разговоры.

— Ничего не понимаю! — сказал он Скоррогану, пытаюсь переключать шум. — Я знаю кундалоанский язык, но здесь...

— Ничего удивительного, — ответил Скорроган. — Почти все говорят здесь по-солариански, местные языки быстро умирают.

Толстый соларианин в крикливом спортивном костюме кричал на невозмутимого местного лавочника, стоявшего перед магазинчиком! — Эй, парень, дать местный сувенир хоп-хоп...

— «Сто слов по-солариански», — скривился Скорроган. — Правда, это уже проходит, поскольку молодые кундалоанцы с детства учатся говорить правильно. Но туристы везде одинаковы. — Его рука непроизвольно потянулась за пистолетом.

Однако времена изменились, и сегодня уже не убивали только потому, что кто-то был тебе неприятен. Даже на Сконтаре это вышло из моды.

Турист повернулся и налетел на них.

— Простите! — вежливо воскликнул он. — Я должен быть внимательнее.

— Ничего, — пожал плечами Скорроган.

Соларианин тем временем перешел на твердый наархеймский!

— Мне действительно очень жаль. Вы позволите поставить вам по стаканчику?

— Пожалуй, не стоит, — ответил Скорроган, слегка нахмурившись.

— Что за планета! Отсталая, как... как Плутон. Отсюда я еду на Сконтар, хочу заключить пару контрактов. Вы, сконтариане, знатоки в этом вопросе.

Скорроган яростно фыркнул и отшатнулся в сторону, тая за собой Тордина. Когда они отехали молитатором на несколько сотен метров, Тордин спросил:

— Куда делись твои хорошие манеры? Ведь он хотел быть с нами как можно более вежливым. Может, у тебя врожденная ненависть к людям?

— Я люблю людей, — сказал Скорроган, — но ненавижу туристов-солариан. Слава богу этот подвид редко показывается на Сконтаре. Их бизнесмены, инженеры и ученые очень милые люди, и я рад, что они будут чаще приезжать к нам, но туристов я терпеть не могу.

— Почему?

Скорроган резким движением указал на горящую неоновую вывеску.

— Вот почему! — сказал он и перевел соларианские надписи:

ПОСЕТИТЕ ПАМЯТНИКИ СТАРИНЫ КУНДАЛОА!

ОРИГИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

ПЕРВОБЫТНЫХ КУЛЬТУР МАУИРОА!

СКАЗОЧНОЕ ОЧАРОВАНИЕ ДРЕВНИХ ОБЫЧАЕВ.

ПОСЕТИТЕ СВЯТЫНЮ ВЫСШЕГО БОЖЕСТВА

ПЛАТА ЗА ВХОД СНИЖЕНА! ДЛЯ ЭКСКУРСИЙ СКИДКА!

— Когда-то религия Мауироа что-то значила, — тихо сказал Скорроган. — Это была вера прекрасная и благородная, хотя и содержала ненаучные элементы. Впрочем, их можно было изменить. Но теперь слишком поздно. Большинство кундалоанцев неопантеисты или атеисты, а древние обряды совершают лишь для заработка. Они превратили их в балаган. Кундалоа сохранила древние памятники; фольклор, народные мелодии — остатки прежней культуры — и эксплуатирует их на потребу праздничного зевакам, а это хуже, чем если бы их просто уничтожили.

— Я не понимаю, на что ты так злишься, — сказал Тордин. — Времена переменялись. На Сконтаре тоже все по-новому.

— Но не так, как здесь. Посмотри вокруг себя: ты никогда не был в Солнечной Системе, но снимки видел не раз, и должен заметить, что это типичный соларианский город. Может, немного провинциальный, но типичный. И во всей системе Аваики ты не найдешь города, который не был бы человеческим. Не найдешь и цветущего некогда искусства, литературы, музыки. Осталось дешевое подражание соларианским образцам или подделки под старину. Нет и науки, которая по своей сути не была бы соларианской, нет несоларианских машин, все меньше становится домов, которые можно отличить от шаблонного жилища человека. Распались родовые связи, основа местной культуры, а супружеские стали такими же случайными, как и на Земле. Исчезла бывшая привязанность к селу. Молодежь рвется в города, чтобы заработать миллион абстрактных кредиток. На столах продукция

солярианских продовольственных фабрик, а местные блюда можно получить только в немногочисленных дорогих ресторанах. Нет больше сделанной вручную посуды, сотканной вручную тканей. Все носят то, что производят заводы. Нет прежних поэтов и бардов, да, впрочем, их никто и не стал бы слушать: все сидят у телевизоров. Нет философов араклейской или вранемаунской школ, их сменили посредственные комментаторы Тассела и Владимира Соловьева.

Скорроган замолчал, Тордин долго не отзывался, потом задумчиво произнес:

— Понимаю, к чему ты клонишь. Кундалоа превратилась в копию Земли!

— Причем в дурную копию! Это было неизбежно с момента, когда они приняли зов землян. Тем самым они должны были принять солярианскую культуру, науку, солярианскую экономику. Это был единственный образец, понятный для людей, а именно они руководили восстановлением; их культура давала хорошие результаты, поэтому Кундалоа приняла ее с легкостью. А теперь слишком поздно. Изменить ничего нельзя, да они и не хотят изменять.

— А знаешь ли ты, — добавил Скорроган после паузы, — что однажды такое уже случилось? Я знаю историю Солнечной Системы и историю Земли. Когда-то, — еще до того, как люди добрались до других планет одной системы, на Земле существовали многочисленные культуры, отличающиеся друг от друга. Но в конце концов одна из них, культура Западной Области Земли, опираясь на технические достижения, подмяла под себя остальной мир. Запад стал образцом, ему все завидовали, перенимали его образ жизни, и когда Запад кому-нибудь помогал, он, по существу, копировал самого себя. Так погибли остальные культуры.

— И от этого ты хотел нас уберечь? — спросил Тордин. — Я понял твою точку зрения. Однако подумай, достаточно ли ценно прошлое, чтобы платить за него миллионами жизней и годами лишений?

— Ценно ли прошлое, а будущее! Мы обязаны были радоваться, развиваться, развивать науку! Но почему по чужому образцу? Неужели, чтобы выжить, мы должны были стать существами второго сорта! Ни одна человеческая раса не станет настоящими людьми — слишком различны наши психологии, инстинкты, образы жизни. Мы не стали духовными сателлитами Солнечной Системы, не погибли как нация. И в этом я вижу свою величайшую заслугу перед Сконтаром!

Старик улыбнулся и, помолчав, закончил:

— И я сделал это. Риск был страшный, но это удалось. Результаты ты знаешь. Дирин развил семантику, которую с самого начала высмеивали солярианские ученые. Мы создали четырехстенный корабль, который они считали невозможным,

и сейчас бороздим Галактику не хуже их. Мы развили психосимволизм, свойственный лишь нашей расе, внедрили новый тип сельского хозяйства... Но сохранили искусства, архитектуру, язык. Размах наших успехов не только позволил достичь звезд, сделав нас великой державой Галактики, но и вызвал возрождение, равное великолепному Золотому Веку! И все потому, что мы остались собой.

Скорроган замолчал. И Тордин долгое время тоже не произносил ни слова. Они вошли в боковую, тихую улочку старого района. Большинство зданий сохранилось с досолярианских времен, и вокруг встречалось довольно много древних нарядов.

— Итак? — спросил Скорроган.

— Не знаю, — Тордин задумчиво потер глаза. — Все это так неожиданно. Может, ты и прав, а может — нет. Я должен подумать об этом.

— Я думал пятьдесят лет, — сухо сказал Скорроган, — поэтому могу дать тебе несколько минут.

Они подошли к лавке. Старый кундалоанец сидел там среди груды своих товаров: ярко раскрашенных кувшинов, кружек и мисок. Какая-то женщина торговалась с ним.

— Приглядишься к этому, — сказал Скорроган, — и припомни прежних ремесленников Кундалоа. Перед нами дешевка, производимая тысячами для продажи туристам. Рисунок искажен, выделка отвратительная. А когда-то каждый изгиб, каждая черточка что-то значили.

Взгляды их остановились на кувшине, стоявшем подле ног старого гончара, и даже невозмутимый Тордин вздрогнул от восторга. Кувшин как бы горел и казался живым. В совершенной простоте чистых линий, в длинных изгибах как будто заключалась тоска и любовь его автора. Тордин подумал: этот кувшин будет жить, когда меня уже не будет.

Скорроган улыбнулся:

— Вот настоящее искусство. Этому кувшину больше ста лет... Музейный экспонат... Как он попал на эту свалку?

Толпившиеся земляне держались в стороне от гигантско-сконтариан, и Скорроган с достоинством и грустью смотрел на них: да, они уважают нас, соляриане перестали ненавидеть Сконтар, они восхищаются нами, посылают свою молодежь учить наши науки и язык. Но Кундалоа для них уже не в счет.

Тем временем женщина-туристка, следуя за его взглядом, заметила кувшин.

— Сколько? — спросила она.

— Не продать, — ответил кундалоанец. Он говорил сдавленным шепотом, одергивая на себе потертую пижаму.

— Я даю сто кредиток. Продать!

— Это мое собственное. Семья имеет много лет. Не продать.

— Пятьсот кредиток! — размахивала банкнотами туристка.

Старик прижал кувшин к впадой груди и смотрел на нее черными глазами, в которых появились слезы.

— Не продать. Иди. Не продать оамауи.

— Идем, — буркнул Тордин. Схватив Скоррогана за руку, он потащил его за собой:

— Уйдем поскорее отсюда!

И они заторопились к космопорту. Тордин хотел как можно скорее забыть глаза старого кундалоанца, но сомневался, что когда-нибудь это ему удастся.

Пер. И. Неуструева.

Рис. С. АШМАРИНА.

Рис. Н. СУШЕНЦОВА.

В течение лета кооператив «Свиток» осуществит выпуск следующих книг:

АЛЕКСАНДР БЕЛЯНИН.

Дорога в послезавтра

Сборник из трех повестей, издаваемый специально для тех, кто любит боевую, остросюжетную фантастику. Сильные характеры героев, экзотическая обстановка, непрерывно сменяющие друг друга сюжетные повороты, динамизм и одновременно задушевность повествования — отличительные свойства произведений А. Белянина. Повести захватывают читателя и постоянно держат его в напряжении.

ЮРИЙ УРАЛЬСКИЙ.

Бриллианты Кругловой

Детективная повесть — продолжение понравившихся читателю «Жарких дней зимы» («Свиток», 1990 г.). В книге Ю. Уральского «Бриллианты Кругловой» вы снова встретитесь с полюбившимися героями, которые раскрывают очередное запутанное дело.

СОДЕРЖАНИЕ

Как потрошили Кауфиньял Дэшил Хемметт	1
<hr/>	
Гниющий водоем (комикс) Заложники (II ч.) Круг замкнулся (III ч.) Игорь Ермаков, Игорь Кожевников	9
<hr/>	
Рука помощи Пол Андерсон	25

Издание подготовлено кооперативом «Свиток» и журналом «Уральский следопыт».

Над восемнадцатым выпуском «ПиФа» работали:
М. Пудовкин, С. Гаврилова, Л. Иокитулло,
И. Халымбаджа, О. Аржанников, Н. Мухин, Н. Зайцева,

Ответственный за выпуск С. Мешавкин.

ПИФ. Приключения и фантастика: сб. остросюжетных рассказов. Сборник содержит приключенческие, фантастические рассказы и публицистические материалы советских и зарубежных авторов.

Свердловск: Кооператив «Свиток». 1991 — 32 с.
Печать высокая. Усл. печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 4,42
Зак. № 332. Тираж 30 000 экз. Цена 2 руб.
Подписано к печати 18.06.91.
Кооператив «Свиток»
Гипография изд-ва «Военный железнодорожник».

Наш адрес: ул. 8 Марта, 205, строение 2.
Тел. 25-25-51

КООПЕРАТИВУ «СВИТОК» ТРЕБУЕТСЯ СПЕЦИАЛИСТ, ИМЕЮЩИЙ ОПЫТ РАБОТЫ В ТЕПЛИЦАХ И ОРАНЖЕРЕЯХ, ДЛЯ РАЗВЕДЕНИЯ ОВОЩЕЙ, ФРУКТОВ И ЦИТРУСОВЫХ.

Обращаться по адресу: г. Свердловск, ул. 8 Марта, 205, строение 2.
Телефон для справок — 25-25-51 с 11 до 17 ч.